

Валерий Сенин

ОТРАВЛЕНИЕ

по-русски, или Удар
«божественного молотка»

Валерий Сенин
Ограбление по-русски, или
Удар «божественного молотка»

издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166785

Ограбление по-русски, или Удар «божественного молотка»: Институт сомнологии; 2004

ISBN 5-9637-0005-1

Аннотация

Россия, улыбнись! Представляем самый смешной, курьезный и эротичный роман!

Авантурные приключения, уникальный сплав эротики и юмора, захватывающий сюжет и традиционно счастливый финал – все это в очередной книге Валерия Сенина «Ограбление по-русски, или Удар „божественного молотка“».

Мама главного героя, скромного и послушного мужчины сорока лет, мужа двух женщин и отца пяти детей, задумала ограбление банка. Но прежде ее сын должен выполнять все сексуальные прихоти маминой подруги шестидесяти лет. О предшествующих и дальнейших событиях этой сумасшедшей истории невозможно читать без смеха.

Содержание

Вступление от героя книги	4
ЧАСТЬ I. НАСМЕШКА СУДЬБЫ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Сенин

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-РУССКИ, ИЛИ УДАР «БОЖЕСТВЕННОГО МОЛОТКА»

Вступление от героя книги

Иногда, глядя в зеркало на собственное отражение, я вдруг ловлю себя на мысли: и зачем этот страшный мужик уставился на меня, словно я его должник? Не нравится мне его тяжелый взгляд, и большой шишковатый лоб тоже не нравятся, и нос несоразмерный, а глубоко посаженные маленькие зеленые глаза пугают. И смотрят они на меня, и буравят, и воздуха мне мало, и задыхаться начинаю, и... не выдерживаю, отворачиваюсь. Пусть лучше этот мужик на других смотрит. А с меня хватит.

Я скромный и бедный (в смысле – небогатый) мужчина сорока лет. Жена называет меня *пролетарием, который все время пролетает*, а любовница – *Демьяном Бедным* (сама она живет на улице Демьяна Бедного), но я не обижаюсь, потому что, как говорит моя мама, нельзя обижаться на правду.

В двадцатом веке я был нищим, потому что работал инженером в одном из институтов города, а в двадцать первом повысил свое благосостояние и стал просто бедным, потому что плюнул на карьеру инженера и пошел в токари. Зарплата токаря в три раза больше, чем инженера. Конечно же, на эти деньги на Канары не слетаешь, но и голодным, как инженер, не сидишь: сделал положенное количество деталей – и получи за это «хорошие бабки», как говорит наш начальник цеха Кац. Возможно, по его понятиям, двести долларов и хорошие «бабки», то только не для меня, потому что у меня жена с двумя детьми и любовница с тремя. Жена и любовница работают, получая нищенские зарплаты, а вот два моих сына – нет, потому что одному, Владимиру, – десять, а второму, Петру, – девять. Впрочем, дочери любовницы тоже не работают – по малолетству.

Любовницу зовут Александрой, потому что мою жену тоже зовут Александра. В этом есть свой смысл: иногда, занимаясь любовью с женой, я забываюсь и называю ее именем любовницы, и она ни о чем не догадывается. А когда я трахаюсь с любовницей и называю ее именем жены, то у той тоже нет причин для обид. И это хорошо, потому что я не люблю никого обижать.

Получается, что у меня в наличии две любимые женщины, а у них пятеро детей – и все от меня, потому что мои женщины мне не изменяют, поскольку они однолюбки. Я тоже однолюб: одной моей любви хватает на них обеих.

Своим Александрам я также ни разу не изменял, до сорока лет дожил (до сорока лет!) и ни разу не изменил. До двадцати шести я вообще был девственником, а потом появилась Александра-Сашенька. Мы столкнулись с ней в метро, она посмотрела на меня и сказала:

– Ой, да вы же вылитый ослик Иа из моего любимого мультфильма.

Потом она взяла меня под руку и уже не отпускала, хотя я никуда и не рвался. Через несколько лет у нас родились два мальчика (не сразу, а поочередно), после чего моя мама очень настоятельно порекомендовала мне завести любовницу, потому что так, по ее убеждению, поступают все настоящие мужчины. С мамой я никогда не спорю, поэтому подсуетился – и завел еще одну Александру, которая начала рожать от меня девочек.

Моя мама как-то подметила: ласковое дитя с двух мамок сосет, а ласковый мужчина – с двух женщин. Потому что, как она уверяет, для нормального мужчины две женщины – это

прожиточный минимум. В таком случае я не совсем нормальный мужчина, так как сосу не я, а меня. И для меня две женщины – это действительно прожиточный минимум, поскольку больше двух я бы содержать не смог.

Да, всех их мне нужно содержать – кормить и одевать. Даже на зарплату токаря это не получается. Вернее, получается не так, как мне бы этого хотелось, потому что я люблю всех моих славных мальчиков и девочек и хочу, чтобы они ни в чем не нуждались, как дети президента России или хотя бы мэра Петербурга. Нет, не мэра, сейчас же уже не мэры, а... забыл название, черт возьми! Ну и память же у меня стала, мне еще только сорок лет, а я не могу вспомнить то, что отлично знаю. Наверное, это результат ежедневного физического труда, ведь тяжелый труд, как известно, превращает человека в обезьяну.

Впрочем, я и раньше частенько забывал нужную мне информацию. На уроках в школе мне часто ставили двойку за выученный мной урок. Учителя думали, что я бездельник, а я просто сильно волновался и забывал выученный накануне материал и получал «неуд», а после уроков все вспоминал, но к учителям уже не бежал. В институте эта история продолжилась, но там я все исправлял на зачетной неделе. Это время, когда студент может исправить все свои ошибки. Потом, когда я стал инженером, знания, полученные в институте, мне негодились, хватило школьного багажа. Я рисовал простейшие графики и делал элементарные математические вычисления на уровне шестого класса средней школы, большего от меня не требовалось. Впрочем, мой руководитель, доктор наук Шлаков, делал еще меньше – он ставил подписи на моих бумажках и читал затем детективы на английском, которым владел довольно плохо, но на русском они ему казались слишком упрощенными. Шлаков любил по этому поводу заметить:

– Я не хочу опускаться до уровня детективов Достоевского.

И в этом он был прав: детективщик из Достоевского хреновый (в смысле – плохой). Кстати, о Достоевском: у него тоже было две женщины (правда, не одновременно) и от них – пятеро детей (если считать приемного сына), и это заставляло его вкалывать не покладая рук, чтобы всех их прокормить. И в этом мы с ним близки, с той разницей, что он вкалывал за письменным столом, а я – за токарным станком.

Как говорит моя мама, жизнь – это полоса препятствий, которые постоянно приходится преодолевать, и чтобы добиться успеха, надо быть хорошей скаковой лошадью.

И это, наверное, хорошо, потому что иначе было бы скучно, как в раю, куда я бы не хотел попасть, потому что не люблю однообразия и не привычен к изобилию. За сорок лет я немного успел сделать, и если сорок принять за половину, то за оставшуюся половину мне предстоит еще очень много сделать, конечно же, если не помешает несчастный случай. Хотя почему сорок лет – это половина? Для настоящих мужчин сорок лет – это треть, а я настоящий мужчина, значит, впереди еще восемьдесят лет, вполне приличный срок, чтобы создать что-нибудь стоящее. Истинный мужчина обязан совершить что-то грандиозное. И в этом смысл жизни сильного мужчины. Не сопли жевать, а лететь орлом к прикованному Прометею. Шучу, конечно же, у меня очень специфический юмор, как считает моя жена Александра. И пусть я не самый красивый мужчина (жена иногда называет меня крокодилом Геной, а любовница – Чебурашкой), но, как говорит моя мама, красота мужчины – у него в штанах. Я это понимаю так, что настоящий мужчина должен регулярно удовлетворять своих женщин.

ЧАСТЬ I. НАСМЕШКА СУДЬБЫ

Как я уже говорил, настоящий мужчина должен регулярно удовлетворять своих женщин.

Поэтому сегодня с утра я удовлетворил жену Александру и собрался к любовнице Александре. Но жене не достаточно одного только секса, она еще постоянно требует духовной пищи. И поскольку сегодня суббота, она убеждает меня сходить в Эрмитаж.

– А может, лучше займемся сексом? – предлагаю я. – Это приятнее и полезнее.

Жена смотрит на меня как на последнего развратника:

– Игорь, но утром мы уже занимались *этим*, а сейчас давай сходим в Эрмитаж, мы не были там тысячу лет.

Я не соглашаюсь:

– Как же – тысячу, на прошлой неделе были.

– А я снова туда хочу, Эрмитаж моя слабость, давай сходим и на этой неделе больше ходить туда не будем.

– Но ведь эта неделя закончится завтра.

– Вот поэтому нам туда и надо сходить до конца недели, я опять соскучилась по импрессионистам. И надо успеть, пока мальчики в школе.

– Хорошо, в Эрмитаж – так в Эрмитаж, – соглашаюсь я.

Александра начинает приводить себя в порядок. Она моет голову, сушит волосы феном, немного подкрашивает глаза и губы, надевает свой парадный темно-синий костюм, и на все это уходит сорок минут. Чувствуется, что она не служила в армии. Я тоже не служил, но одеваюсь гораздо быстрее.

Наконец мы выходим на улицу, где морозит мороз, веет ветер и снежит снег. В Петербурге зима, а зима в Петербурге очень холодная и неудобная, не то что на Канарах, куда мне все никак не добраться.

Александра – пусть не самая красивая, но стройная и высокая женщина, и я рядом с ней смотрюсь, наверное, Карлик-носом. Но сам я себя таким не чувствую. Я чувствую себя мужчиной в расцвете сил.

Недалеко от станции метро «Гражданский проспект» мы садимся в маршрутное такси и едем до станции «Лесная». На поезде метро до «Лесной» не доехать, потому что разрушенный в результате аварии участок, недалеко от площади Мужества, не действует. Зато в маршрутке тепло и чисто. Я закрываю глаза и чувствую, как рука Александры (это для нее что-то новенькое!) проникает ко мне под куртку и гладит через брюки мой член. Тот мгновенно встает, я улыбаюсь, млею несколько минут, затем открываю глаза и вижу рядом усатого мужчину лет тридцати (совсем забыл, что Александре досталось место на переднем сиденье рядом с водителем, а мне на заднем). Мужчина говорит вполголоса:

– Меня зовут Вадим, у нас сегодня вечеринка в баре «Голубой утенок», все придут с друзьями, а у меня друга нет, не хотите быть моим другом?

– Нет, – отвечаю я. – На переднем сиденье едет моя жена.

Мужчина убирает руку с моего члена и вздыхает:

– Природа вас не обделила... не часто встретишь такого «бурового мастера». Обидно, что все лучшие мужчины уже разобраны этими страшенькими самками.

Я не соглашаюсь:

– А мне моя жена нравится.

Мужчина уныло машет рукой:

– Да у вас просто испорченный вкус, всем известно, что тело мужчины совершенно и вылеплено по образцу и подобию божью, а на женщину материала не хватило, и ее изготовили из треснутого ребра собаки. Кстати, сам Бог был «голубым», поэтому его и называют Отец, Сын и Святой Дух – это же семья из трех мужчин, и они слились в экстазе в одно целое и даже смогли родить.

Я не соглашаюсь:

– Если они могли рожать, значит, они были женщинами, или хотя бы один из них, Святой Дух, например. Я где-то читал, что на древнееврейском или каком-то там языке «Святой Дух» женского рода...

Мужчина обижается:

– При чем здесь женщины? Рожали всегда мужчины, и в Ветхом Завете об этом прямо говорится: Соломон родил Давида, Давид родил Якова, Яков – Иеремию и так далее...

Маршрутное такси подъезжает к «Лесной», и мужчина выскакивает впереди меня. Я тоже выхожу из машины, беру Александру под руку и говорю:

– А ко мне сейчас приставал «голубой», вон он идет впереди нас в коричневой кожаной куртке.

Александра внимательно смотрит на меня и говорит:

– Значит, не я одна тебя оценила, хотя красавцем тебя не назовешь.

Мы входим в вестибюль метро, и нас тормозит пьяный мужичок неопределенного возраста. Он протягивает нам картонку, на которой написано: «Подайте десять рублей слепоглухонемому на восстановление половой потенции». Надпись мне нравится, я вытаскиваю червонец и протягиваю просителю. Он берет деньги и говорит:

– Спасибо! Вам тоже хорошей потенции.

– Пожалуйста. А где же слепоглухонемой? – спрашиваю я.

– Это я, – улыбается мужичок и тормозит следующую парочку.

Мы покупаем жетоны, преодолеваем полосу заграждения, спускаемся на эскалаторе вниз, и сразу к нам подходит пьяная женщина в грязном пальто, она бормочет:

– У меня украли деньги и документы, и теперь я не знаю, кто я на самом деле и где нахожусь, дайте десять рублей Христа ради.

От женщины так отвратительно пахнет, что мы, бросив ей червонец, побыстрее проскакиваем мимо, запрыгиваем в поезд и едем в сторону «Площади Восстания».

Мимо нас по проходу, покачиваясь, движется кресло-каталка, в котором сидит безногий инвалид, одетый в военную форму. Он восклицает сильным красивым голосом:

– Граждане, подайте бойцу-афганцу, страна обосрала своего героя, так дайте ему на туалетную бумагу, кто сколько может.

Я бросаю в его шапку, лежащую у него на коленях, червонец, и он катит дальше.

Затем мы делаем пересадку и выходим из электропоезда на станции «Гостинный двор». Сейчас же к нам подбегают две цыганки, одна – ко мне, а вторая – к Александре. Моя предлагает мне предсказать мое будущее, которое я предпочел бы не знать. Я стряхиваю с себя первую цыганку, помогаю жене отбиться от второй, и мы спешим к выходу на канал Грибоедова.

Наверху к нам сразу же пристаёт молодой человек, предлагая поступить в школу танцев. Танцевать мы уже умеем, поэтому проходим мимо.

У Дома книги к нам привязывается женщина с грудным ребенком на руках, она кричит:

– Помогите! Помогите! Ребенок не ел уже целую неделю! Помогите!

Я лезу в карман за деньгами, но Александра меня останавливает сердито:

– У нас самих дети, их тоже надо кормить, и вообще хватит сорить деньгами.

Я ее слушаюсь, хотя мне и жалко ребенка, который не ел целую неделю.

На Невском, как всегда, – множество людей, несмотря на сильный ветер и мороз в пятнадцать градусов. Люди бегут в обоих направлениях, болтают, жуют мороженое, пьют холодное пиво или колу, и мороз их не смущает. Недалеко от Большой Конюшенной бедно одетая девочка лет восьми-девяти играет на скрипке. За последние два месяца я проходил мимо нее десятки раз и всегда чего-нибудь давал. Поэтому и сегодня не выдерживаю и бросаю в ее старенький футляр червонец. Вид у девочки отстраненный. Она играет, смотрит в одну точку и ничего и никого не замечает. Александра на этот раз тоже не выдерживает, бросает червонец и говорит:

– Бедная девочка, я бы сошла с ума, если бы моя дочь здесь стояла.

Я возражаю:

– Но у нас же нет дочек, одни сыновья. Но и сыновья наши до этого не дойдут. Мы им этого не позволим, они будут воспитываться в нормальных условиях, я очень надеюсь.

– Игорь, ты надеешься уже десять лет.

В эту минуту нас останавливает милиционер – огромный, в черной дубленке до пят; в его правой руке резиновая дубинка, указательный палец левой направлен мне в живот, на плечах погоны сержанта. Он рычит:

– Вы перешли проспект в непопущенном месте.

Вообще-то мы все время шли по одной стороне Невского и дорогу не переходили, но спорить с ментами бесполезно, поэтому я заискиваю:

– Извините, лейтенант, мы не привыкли к большому городу и поэтому часто совершаем ошибки.

Мент рычит:

– Но за ошибки надо платить, с вас по полтинничку, значит в сумме – сто пятьдесят рубликов, а откуда вы приехали?

– Из-под Пскова, деревня Чегла, – импровизирую я.

Мент скалится:

– Да вы скобари, я тоже из-под Пскова, деревня Грыжа, слышали?

– А как же! И название красивое, поэтичное...

– Очень приятно, землячки, в таком случае с вас по сороковничку, значит, в сумме сто двадцать.

Удивительно: нас двое, а он видит и штрафует троих, но спорить не стоит, а то он повысит размер штрафа. Я достаю деньги, отдаю их «земляку», и мы идем дальше.

И куда же мы идем, если денег почти не осталось и в музей идти не на что?

По инерции мы все же доходим до начала Невского, когда рядом с нами тормозит старенький «форд», его дверца открывается, и показывается знакомое лицо. Да это же Громов, мой бывший дружок-одноклассник (мы виделись в прошлом году на встрече выпускников в родной школе)! Генка Громов, бледный, как зимний Петербург, возбужденно тараторит:

– Игорь, хорошо, что я тебя увидел, пусть вот этот кейс побудет у тебя, я заберу его на следующей неделе, твой телефон у меня есть.

Он вытаскивает из-за сиденья черный пластиковый «дипломат» с белой буквой «Р» на боку, ставит рядом со мной на асфальт и дает по газам.

Через минуту-другую его машину догоняет большой черный автомобиль, из которого начинают стрелять. Автомобиль Громова виляет из стороны в сторону, врезается в столб и взрывается. А черный автомобиль мчится прочь. Все это происходит на наших глазах.

Мы с женой стоим и смотрим на горящую машину, в которой находится Громов, вернее, уже его останки. То, что он погиб, у нас обоих не вызывает сомнения. Александра приходит в себя первой, дергает меня за рукав и говорит:

– Идем скорей отсюда.

Мы хватаем дипломат, оставляем место катастрофы и за пять минут добегаем до входа в метро на канале Грибоедова, влетаем туда, спускаемся вниз, садимся в поезд, молча доезжаем до станции «Проспект Просвещения», там, уже наверху, садимся в маршрутку, доезжаем до Гражданского проспекта и только после этого заговариваем. Александра первой:

– Игорь, что за кошмар с нами приключился? Кто этот мужчина, который погиб? И зачем он дал тебе этот дипломат? Я такие разборки видела только по телевизору, меня трясет от страха.

– Меня тоже трясет, то был мой одноклассник Генка Громов, большой хулиган в прошлом... А что это за дипломат, я понятия не имею.

Я нервно закуриваю. Да, богатый на впечатления получился денек: мы пообщались с десятком попрошайек, мент опорожнил наш кошелек, на Невском бандиты напали на моего школьного приятеля, и он погиб. Жалко, хороший был парень, веселый... Интересно, что же в его дипломате? А вдруг там бомба? У меня появляется желание зашвырнуть его подальше, но голос рассудка шепчет, что за бомбу Громов бы так не переживал, скорее всего, там наркота или деньги, или золото, или еще какие-нибудь ценности, из-за которых дерутся и убивают. Какие же люди глупые, твою мать! Запросто лишают друг друга жизни за горку бумажек.

Александра прерывает мои размышления:

– Игорь, а вдруг там бомба, давай его выкинем.

Жена, похоже, читает мои мысли. Я возражаю:

– Вряд ли там бомба, Громов бы не отдал ее мне на хранение, он бы сам ее выкинул. Скорее всего, в дипломате то, на что претендуют все бандиты.

Александра предполагает:

– Там наркотики или доллары, да, наверняка там деньги, ведь люди гибнут за них во все времена, потому что они дураки.

– А мы? Мы не дураки?

– Игорь, мы, конечно же, можем и выкинуть эти деньги, но ведь никто не видел, как Громов отдал их тебе, он, судя по всему, совершенно случайно тебя увидел, отдал и погиб, и теперь ни одна живая душа не знает, что они у нас, может быть, нам стоит рискнуть? Представь, мы заживем наконец по-настоящему.

– Дорогая, рисковать опасно для спокойной жизни, и разумные люди не рискуют, но я всегда был немного дураком, поэтому готов рискнуть.

– Игорек, представь: мы все бросим, возьмем наших мальчиков и поедем путешествовать по миру, я нигде не была, кроме Петербурга, так хочется посмотреть Париж, Венецию, Дрезден, их музеи и картинные галереи... Представляешь, мы сможем увидеть в подлиннике «Джоконду» Леонардо и «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, а потом мы полетим на Канары и будем загорать и купаться целыми днями. Я устала от холодного Петербурга, от вечного безденежья, и у нас старая мебель и слишком маленькая квартира.

Я целую жену в щеку и говорю:

– Хорошо, купим новую квартиру, новую дорогую мебель и отправимся в кругосветное путешествие, лучше всего – на собственной яхте, я всю жизнь мечтал о яхте, но зарплата токаря позволяла купить только игрушечную. Зато теперь...

Я не успеваю договорить, так как в эту секунду с дороги на тротуар въезжает большая черная машина с тонированными стеклами, останавливается рядом с нами, из нее выскакивают два здоровенных амбала в черных масках и черных кожаных куртках, с автоматами в руках. Один из них приказывает:

– Стоять, козлы, а то будем стрелять!

А мы и без приказа не можем оторвать ноги от обледенелого тротуара.

– Давай товар, пидор. Живо! – требует второй.

Я протягиваю ему кейс, здоровяк рывком вырывает его из моей руки, они садятся в машину и уезжают.

Как говорит иногда моя мама, дуракам везет разве что при игре в «дурака».

До своего дома мы доходим молча. В прихожей нас встречает наш кот Жуков с задраным вверх хвостом. Но я не обращаю на него внимания, а сходу бросаюсь к туалету. А жена – в ванную. После всего пережитого мы чувствуем потребность в уединении.

Судя по всему, нам не светит ни кругосветное путешествие, ни новая квартира. Ну и хрен с ними, хорошо, что остались живы, и это главное, деньги чужие нам вовсе не нужны, а свои я заработаю и сам.

Я прохожу в кухню, достаю из шкафчика две рюмки, а из холодильника – бутылку водки, которая стоит там еще со дня моего рождения, и наливаю по полной. Александра выходит из ванной, мы садимся за стол, поднимаем рюмки, чокаемся, и Александра говорит:

– Слава богу, что мы остались живы, Игорек, эти нелюди запросто бы нас убили, а мы бы даже не знали за что, потому что так и не узнали о содержимом дипломата, но это и к лучшему: богатство портит человеческие отношения. Давай выпьем за то, что судьба не оставила наших мальчиков сиротами.

– Давай, – соглашаюсь я.

Мы выпиваем водку и закусываем маринованными помидорами с маминой дачи, которые лежат в тарелке на столе, и которые Жуков почему-то не трогает. Все остальные продукты обязательно потрогает своей шаловливой лапкой, а помидоры – нет. И непонятно почему, ведь они такие остренькие и сочные и особенно вкусны под хорошую водку. Но Жуков предпочитает валерьянку. Примерно раз в неделю он просит пару-тройку пробочек этого напитка. В эти периоды он по-особому мяукает – тоненько, визгливо и противно. А когда Жуков кричит басом – это значит, что он хочет кошку. Проблема решается легко: мы живем на первом этаже, поэтому я открываю дверь на лестничную площадку и выпускаю мохнатого Казанову.

Александра сама (что для нее не характерно) разливает по рюмкам водку, достает из холодильника колбасу, нарезает ее, садится на свой табурет и говорит:

– Игорек, давай выпьем за то, что нам очень хорошо вчетвером – нам и нашим мальчикам. У нас маленькие зарплаты, нам иногда не хватает до получки, у нас маленькая квартира, но вместе нам все равно хорошо.

Мы берем рюмки, чокаемся, выпиваем и закусываем: я – помидором, Александра – колбасой, а Жуков – тоже колбасой, кусочек которой он аккуратно берет с тарелки, подцепив его когтем. Затем я предлагаю помянуть погибшего Генку Громова, в прошлом известного на всю школу озорника (помню, однажды на перемене, пока меня не было, он склеил все мои тетради в одну толстенную супертетрадь), и мы стоя выпиваем за его упокой. Через час приходят со школы наши мальчишки и, забежав в кухню, доедают остатки колбасы.

А еще примерно через час я говорю жене, что обещал маме навестить ее, и еду к младшей Александре.

Младшая Александра живет недалеко от старшей – всего несколько остановок на автобусе или трамвае, или на маршрутке, а мама живет примерно посередине, и это очень удобно.

Я еду к Шурочке, потому что, во-первых, я сегодня у нее еще не был, а во-вторых, рядом с ней я смогу забыть о сегодняшних волнениях. Шура, в отличие от Александры-старшей, любит покувыркаться в постели, и это здорово, потому что и я люблю это дело, как всякий нормальный мужчина. Хорошо, что Бог придумал это чудо под названием секс, без него жизнь была бы адом (или скучным раем). Девочек на неделю забрала Шурочкина мама, и нам сегодня никто не помешает.

Я звоню к квартире Шуры и через минуту целую улыбающуюся «пышечку» в щечку.

В отличие от суховатой Александры-старшей, младшая почти всегда улыбается, когда видит меня. Старшая Александра более уравновешенная и сдержанная в чувствах, она по гороскопу Рыба, а с младшей мы оба Козероги, у нас преобладают эмоции.

Мы обнимаемся, проходим в комнату, я ставлю на стол бутылку вина, купленную по дороге, Александра приносит фужеры, мы снова целуемся... И тут за окном раздается стрельба. Уже второй раз за сегодняшний день! Мы выскакиваем из-за стола, гасим свет и подбегаем к окну.

Напротив нашего дома в сумерках видны две большие черные машины. Рядом с ними темные фигуры людей стреляют друг в друга со страшным грохотом и вспышками. Впрочем, в фильмах подобные сцены смотрятся эффектнее. А здесь не видно деталей. Люди бегут, стреляют, падают, через минуту взрывается одна машина, потом другая, и живых не остается. Милиции не видно, хотя отделение находится через квартал. Но менты и не должны были появиться, пока хотя бы один из бандитов стрелял. Когда же стрельба утихает, появляется машина с мигалкой и воющей сиреной и медленно приближается к месту происшествия. Темные фигуры лежат на снегу и не шевелятся. Минут через пять из милицейской машины выскакивают четыре человека с пистолетами и фонариками в руках и осторожно подходят к лежащим, из которых никто не подает признаков жизни. Один из ментов машет фонарем, и из-за соседнего дома выезжает еще одна машина с работающей мигалкой и ревущей сиреной.

Стоящая рядом со мной Саша замечает:

– Вот это да! Я никогда не видела такого в жизни, наша мафия такая же страшная, как и в Америке! Смотри, Игоречек, там настоящие живые трупы! Я никогда не видела трупов вблизи и очень их боюсь.

– Сашенька, мне нравится твое выражение «живые трупы», но перед нами трупы не живые, а мертвые. Тьфу! Я тоже сказал какую-то глупость. «Мертвые трупы» – мне бы позавидовал любой диктор телевидения.

Сегодняшний день заполнен приключениями до отказа, за последние несколько часов произошло уже столько, что это можно было бы растянуть на целый год. Надо отвлечься и выпить вина. Я возвращаюсь к столу, разливаю вино по бокалам и говорю:

– Сашенька, давай наконец выпьем, и сумасшедшая действительность покажется нам нормальной.

Моя женщина садится на диван и замечает:

– Но тогда нам придется все время пить, хотя, наверное, ты и прав, и нам стоит расслабиться. Пить так пить, но сделаем это под квашеную капусту, а она у меня на балконе, я принесу немного.

Я замечаю:

– Вообще-то вино под капусту нормальные люди не пьют.

– Сегодня ненормальный вечер, и мы будем поступать ненормально.

Квартира у младшей Александры тоже на первом этаже, но дом у нее «корабль» и на первом этаже по чьему-то дурацкому проекту сделаны балконы. Шура берет небольшую белую салатницу и идет к балкону, открывает дверь, громко вскрикивает, словно увидела привидение, и бежит мимо меня с воплями:

– Игорек, там... Игорек, там!.. Игорек, там!..

Ее большие глаза стали в два раза больше. Я срываюсь с места, хватаю со стола длинный столовый нож и бегу к балкону, открываю дверь и вижу лежащего там мужчину в спортивном костюме (хотя на улице мороз) и в черной маске. Мужчина лежит на спине, его глаза закрыты, а рядом стоит пластиковый черный дипломат с белой буквой «Р» на боку. Твою мать!.. Да это же тот самый дипломат, что вручил мне Громов часа четыре назад на Невском!

Потом его отобрали люди из черного автомобиля, и вот теперь судьба подбросила его на балкон моей любовницы...

Я беру мужчину за левую руку и пытаюсь нащупать пульс. Его нет. Мужчина мертв. На его теле не видно ран, но сердце его не бьется и он не дышит, значит, он мертв. Я встаю и осторожно выглядываю из-за бетонного ограждения. С ближайшего балкона торчит белобрысая голова и плечи соседа Александры Сидорова. Мы с ним давно знакомы. Он знаменит тем, что нередко, выпивший, засыпает под порогом собственной квартиры, хотя живет один и не пускать его некому (жена давно от него сбежала). Однажды мы с Шурой, выходя из дому, споткнулись о его тело. Шура ахнула и перепрыгнула через него, а я чуть не упал. Мы шли в магазин и размышляли, хорошая это примета или плохая – споткнуться утром о спящего соседа. Через несколько минут я нашел на дороге бумажник с двумя сотнями долларов, и мы пришли к выводу, что примета – хорошая. А еще примерно через час, после попытки обменять в пункте доллары на рубли мы очутились в милиции, потому что доллары оказались фальшивыми. Так что примета – плохая (хреновая).

Сейчас Сидоров говорит:

– Привет, братан, видел бойню? Восемь трупов на снегу, остальные остались в машинах, и ни одного живого... Чего черти творят, приятно глазу, жаль, я не видел все с начала – сидел, мудака, и смотрел по телеку американский боевик, а тут, блин, рядом – наш, получше американского. Ты за кого болел?

– За себя и за Шуру.

– А я за тех гавриков, которые в черных комбезах, они похожи на нашу морскую пехоту, я ведь служил в морской пехоте... Игорь, одолжи столичный, а то, блин, башка болит, вчера перебрал, блин, надо опохмелиться, а денег нет, дай столичный, блин, помоги старому человеку, бравшему штурмом Берлин.

Я улыбаюсь, потому что Сидоров на два года младше меня и в армии не служил, хотя он неплохой мужик, в прошлом году он работал у моей мамы на даче и перепилил уйму дров.

В это время у места недавнего боя появляется «скорая», в нее загружают все трупы, и она уезжает. Менты из огнетушителей гасят огонь и тоже уезжают. С неба начинает падать снег.

С минуту поколебавшись, я спрашиваю у Сидорова:

– Слава, а ты не хотел бы вместо ста рублей получить двести?

Лицо соседа оживает:

– А чего, блин, надо сделать?

Я беру незаметно дипломат, проталкиваю его через приоткрытую дверь в комнату, и снова обращаюсь к соседу:

– Есть дело: с нашего балкона нужно убрать труп.

Сидоров перегибается через бетонную перегородку, разделяющую наши балконы, видит труп и радостно восклицает:

– О, блин, да это же девятый гаврик! А почему ты его не сбросил ментярам? Они бы его увезли, блин.

– Когда я его заметил и осмыслил все, они уже уехали, а сейчас сбрасывать не хочется: менты будут приставать с расспросами, а я этого не люблю, и мне бы не хотелось, чтобы он лежал под нашим балконом.

Сидоров хлопает себя ладонью по лбу:

– Я придумал, блин! Мой сосед по балкону Галкин вечно в разъездах, артист хренов, и в квартире у него сейчас никого, и вообще у него хата основная в Москве, а эта, блин, так, для встреч с любовницами, давай подбросим труп ему. Он большой говнюк, никогда, сволочь, в долг не дает, хотя денег полно, каждый раз на новой тачке приезжает. Давай засунем труп к нему.

– Давай, – соглашаюсь я, хотя Галкина почти не знаю и мне он ничего плохого не сделал.

Я с трудом поднимаю труп мужчины, переваливаю его на балкон Сидорова и отпускаю только тогда, когда Сидоров кричит:

– Отпускай, я его взял!

Сидоров довольно ленивый мужичок, поэтому он просит:

– Теперь перелезай ко мне, блин, а то мне одному не управиться.

Я перелезаю на балкон Сидорова, потом на балкон Галкина и, наконец, принимаю труп уже там. Затем лезу обратно на свой балкон, а Сидоров торжествует:

– Я так рад, блин! Галкин – жопа – приедет, а у него на балконе жмурик! Блин, Игорь, а ты не забудь мне отдать триста рублей.

– Но мы же говорили о двух сотнях.

Сосед улыбается:

– Мои планы изменились, блин, я решил сегодня пить более дорогую водку, дешевая мне надоела, пора подумать о здоровье.

Я приношу триста рублей, отдаю их Сидорову и спрашиваю:

– Слава, а когда Галкин вернется?

– Не знаю, – поеживается от холода Сидоров. – Уехал он вчера, значит, дня три-четыре не будет.

Я возвращаюсь в комнату, беру дипломат и иду в кухню. Александра сидит там за столом, обхватив голову руками, и поет:

– Мамоchка моя, только не это, я так боюсь трупов, что сейчас умру от страха. Игореша, может быть, вызвать милицию? Правильно, давай вызовем милицию, и они заберут этого человека, он жив или нет?

– Скорее нет, чем да.

– Я сразу же это поняла, один разочек взглянула и поняла, что это мертвец... Боже мой, вечер так шикарно начался и так страшно-неприятно заканчивается, мне сегодня будет не уснуть, ты должен остаться у меня. А что у тебя в руке?

– Он стоял рядом с трупом. Этот дипломат мне вручил сегодня мой бывший одноклассник Генка Громов, потом его у меня забрали, и вот теперь он опять вернулся, это фантастика... Второй раз за сегодня этот кейс оказывается у меня. Видимо, перестрелка была из-за него. Похоже, в нем что-то очень ценное.

– И что мы будем теперь делать?

– Для начала выпьем. Нам все время мешают это сделать.

Мы возвращаемся в комнату, садимся на диван, я беру бокал и чувствую, что меня сильно трясет, словно алкоголика во время похмелья, судя по всему, я здорово переволновался. Я говорю:

– Сашенька, меня трясет, словно внутри работает вибратор.

Моя любимая прижимается ко мне:

– Игорек, а во мне работает, наверное, сразу десять вибраторов, и я боюсь пролить вино.

Александра трясущейся рукой поднимает свой бокал, и мы, не чокаясь, выпиваем до дна, я наливаю по второй, и Александра спрашивает:

– А что мы будем делать с трупом? Если приедут стражи порядка, то они заберут и чемоданчик, нам надо посмотреть, что в нем.

– Посмотрим. А от трупа я избавился, сосед Сидоров за триста рублей помог перебросить его на балкон к Галкину, это твой сосед через балкон, а сам Галкин сейчас, кажется, на гастролях, приедет только через несколько дней, у нас есть время, чтобы разобраться с дипломатом. Стражей порядка мы вызывать не будем.

Шура пробует улыбнуться:

– Игоречек, ты все гениально рассчитал. Знаешь, вино подействовало, меня уже не колотит. – Она приподнимает дипломат и говорит: – Ого, какой тяжелый, килограммов десять будет.

– Если и не десять, то уж не меньше восьми, – уточняю я, – и если там деньги, то он забит ими до отказа. Наркотики отпадают, он был бы легче, вполне возможно, что там золото или платина.

Александра улыбается шире:

– О, золото! Игоречек, судьба подкинула нам клад, но лучше бы там были доллары, сотенные бумажки, при таком весе там должно быть не меньше миллиона. О, Игоречек! если мы станем миллионерами, то завтра не пойдем на работу, целый месяц будем бездельничать, а потом поедem в Венецию кататься на гондолах. И возьмем с собой наших девочек. Можно даже устроить их поучиться в иностранной школе, сейчас это принято у богатых.

Я снова наливаю вина и вслух размышляю:

– Вообще-то золото было бы тяжелее... А вдруг там бомба?

Александра поспешно ставит дипломат на пол, перестает улыбаться, садится рядом и говорит:

– Давай-ка лучше его выкинем от греха подальше, жили мы без денег неплохо и дальше проживем не хуже. Игорек, давай его выкинем, хотя из-за бомбы бандиты не стали бы друг друга убивать, бомбу они бы взорвали, а друг друга убивают только за большие деньги, ставлю сотню против рубля, что там не бомба. Игорек, давай скорее откроем дипломат и посмотрим, что подкинула нам судьба.

– Давай, – соглашаюсь я, – но ты на всякий случай выйди на улицу, вдруг там все же бомба.

Женщина обижается:

– Нет уж, сам выходи на улицу. Если там бомба, то мы вместе покинем этот мир, я хочу быть рядом с тобой и в радости, и в горе. А девочек наших воспитает моя или твоя мама, потому что твоя жена с пятью детьми не справится.

– Хорошо, – говорю я, кладу кейс плашмя на табурет и пытаюсь его открыть, но он не хочет открываться без ключа, которого у меня нет.

Я нахожу в шкафчике для инструментов молоток, долото и пытаюсь взломать дипломат. Но он выполнен из такого материала, который не поддается ударам молотка и долота. Простучав изо всех сил минут пять, я кладу инструмент на пол, сажусь там же и говорю:

– Бомбы там точно нет, она бы уже сработала.

Александра соглашается:

– И то хорошо. Мы еще проживем, а мне очень нравится жить.

– Мне тоже, ведь сорок лет – это треть пути.

Шура улыбается:

– Да ты нахал. «Треть пути»! У многих это больше половины.

– Но я же не многие, я не стремлюсь скорее пробежать свою дистанцию... К тому же у меня много родственников, проживших больше девяноста, а один прадед – сто два.

– А ты себе намерил сто двадцать?

– Но человек и живет столько, на сколько он себя настраивает.

– Игоречек, но я столько не проживу.

– Ничего, я буду приходить к тебе на могилку, пить водку и читать стихи Бродского.

– Фу, не люблю Бродского, лучше Блока.

– Хорошо, тогда буду читать Патрика Зюскинда, тебе же понравился его «Парфюмер».

Александра улыбается:

– Игорек, ты просто садист: на моей могиле будешь читать «Парфюмера»! Это я на твоей могиле буду пить шампанское и читать прозу Пастернака.

– Но я не люблю прозу Пастернака, я встану из могилы и надеру тебе попку. Кстати, у тебя очень завлекательная попка, и я ее просто обожаю, а когда ты стоишь на коленях ко мне задом, а к лесу передом – во мне просыпается демон страсти. Не пойти ли нам в кровать?

– Игорек, но мы же еще не открыли этот заколдованный сундучок.

– Действительно, не открыли, его очень хорошо сделали, попробую распилить пилкой по металлу.

Я иду в прихожую, нахожу пилку по металлу, возвращаюсь в комнату и начинаю пилить. За пять минут непрерывного пиления на дипломате остается маленькая зазубринка, металл бы распилился быстрее, чем этот хренов пластик.

Александра издевается:

– Пилите Шура, пилите, они золотые.

Я бросаю пилку и говорю:

– Теперь пилить будешь ты.

– Я? – удивляется Александра. – Но я же никогда не пилила руками, только языком – своего бывшего мужа.

– Я тоже пилю второй раз в жизни, первый раз пилил когда-то на маминой даче дрова. Помню, натер на ладонях кровавые мозоли, они заживали целый месяц.

– Игорек, но я не хочу кровавых мозолей на мои красивые ручки.

– Сашенька, а в Венецию ты хочешь?

– Хочу.

– Тогда начинай пилить, мы будем менять друг друга каждые две минуты, и дело пойдет.

– Хорошо, я попробую, – соглашается женщина, берет в руки пилку, устанавливает ее в проделанный мной пропил и начинает туда-сюда шоркать.

Меня это здорово забавляет, я тоже ей советую:

– Пилите Шура, пилите, они золотые.

Александра улыбается и в течение двух минут пилит неподатливый дипломат, потом в течение десяти минут пилю я, потом пять минут она и снова десять минут я. И в таком ритме проходит два часа. Козероги очень упорные, поэтому мы с Александрой пилим и пилим, подшучивая друг над другом, не обращая внимания на красные пятна на ладонях, потому что перед нами есть цель, которую необходимо достичь. А если козерог видит цель, которую нужно и можно достичь, он будет рогами копать землю. Вот только достижима ли наша цель?...

Александра сдается первой:

– Игорек, давай чуточку отдохнем, ведь совсем необязательно распилить этот дипломат сегодня. За два часа мы пропилили полсантиметра – и то хорошо.

На самом деле за два часа мы прошли всего два-три миллиметра и при этом страшно устали.

Я разливаю остатки вина и говорю:

– Давай выпьем и отдохнем, дипломат от нас никуда не денется, пусть мы будем пилить целый месяц, но в итоге клад будет наш, в итоге мы поедем на Бермуды.

– На какие Бермуды? – спрашивает женщина.

– Ты же хотела поехать отдохнуть в Бермудский треугольник, дак вот: через месяц мы туда полетим на своем самолете – распилим ящик, возьмем оттуда бабки и полетим.

– Но я не хочу в Бермудский треугольник, там люди пропадают, давай поедем на Канары – купаться в океане и трахаться с неграми.

От такого предложения я трезвею:

– Но я не хочу трахаться с неграми.

– А ты и не будешь трахаться с неграми, ты будешь сидеть в доме, который мы купим на берегу океана, и готовить обеды к моему приходу. А когда я, уставшая и счастливая, буду возвращаться к тебе, ты тоже будешь счастливым. А наших девочек мы устроим в самую престижную школу.

Домой ехать уже поздно, поэтому я звоню жене и говорю, что переночую у мамы. Я говорю об этом спокойно, потому что знаю: мама в случае, если старшая Александра ей позвонит, обязательно меня прикроет, скажет, что я устал и уже сплю. А еще начнет поучать, как лучше воспитывать мальчиков. Александра этого не любит, поэтому вряд ли вообще позвонит.

На следующий день, в воскресенье, я встаю пораньше и иду к маме. Маму я навещаю примерно каждые три дня, так уж у нас с ней заведено. Но сейчас у меня есть особая причина торопиться к ней: мне срочно нужен ее совет. Я попал в историю, в какую мне еще никогда в жизни не приходилось попадать.

Мама живет на последнем этаже пятиэтажного кирпичного дома. Я без передышки долетаю до пятого этажа, так как внутри у меня все кипит.

Мама открывает мне дверь. Она уже пробежала свои три километра, приняла контрастный душ и выглядит классно. Мама – красивая стройная подтянутая женщина, постоянно находящаяся в отличной спортивной форме, не пьющая и не курящая. По гороскопу она Лев (точнее, Львица), то есть очень властная женщина.

Она оглядывает меня внимательно и спрашивает:

– Головастик, что у тебя стряслось? Обычно ты не появляешься так рано, и у тебя тревога в глазах, ты что-то натворил?

Я разуваюсь, прохожу в кухню, сажусь за стол и подробно рассказываю ей о событиях вчерашнего дня.

Выслушав меня, мама говорит твердым голосом:

– Вот что. Первым делом ты должен избавиться от этого Сидорова.

Я минуту молчу, потом осмеливаюсь возразить:

– Мам, но я никого в жизни еще не убивал.

– Не будь таким глупым, как твой отец Константин. Я имею в виду: не навсегда избавиться, а на время, пока милиция будет им интересоваться как владельцем балкона, по соседству с которым обнаружен труп.

– Мам, и как же мне временно от него избавиться? Не поселю же я его у Александры?...

– Какой же ты, головастик, не сообразительный. А моя дача на что? В прошлом году этот Сидоров неплохо перепилил там все мои дрова. Надо бы и в этом году ему заняться тем же. Сейчас я найду ключи, не теряя времени и увози сегодня же этого алкаша из города. Да, и дипломат захвати. Там в мастерской твоего отца Константина имеется станок с циркулярной пилой, наждаком и труборезом (он трубы для забора обрезал) – на нем и попробуешь вскрыть свой дипломат, только смотри аккуратно. Когда вскроешь – вези сюда, и я подумаю, что нам со всем этим делать. Все, сын, не задерживайся, время, в отличие от тебя, не сидит и чай не распивает.

Я никакой чай не распиваю, и вообще – не успел даже позавтракать, но я вскакиваю и опять бегу к любовнице.

На улице уже совсем светло и даже проглядывает низкое солнце, хотя при этом дует холодный пронизывающий ветер. Я быстрым шагом иду по улице Учительской в направлении к улице Демьяна Бедного. Недалеко от школы, в которой я проучился когда-то десять лет, я догоняю бредущую неторопливо старушку, одетую в легкую спортивную куртку и

брюки. Она поворачивает ко мне свое морщинистое, похожее на большой грецкий орех лицо и, сощутив подслеповатые глаза, произносит:

– Здравствуйте, господин Арбатов, за двадцать пять лет, в которые я вас, слава Богу, не видела, вы, я вижу, превратились из маленького гадкого утенка в большого гадкого гуся.

Я иду медленнее, всматриваюсь в старушку и узнаю в ней свою бывшую учительницу физкультуры Тамару Петровну (когда я прощался со школой, ей уже было далеко за шестьдесят). Я улыбаюсь и отвечаю на ее приветствие:

– Здравствуйте, Тамара Петровна, а вы, наверное, уже давно на заслуженной пенсии и не работаете.

Тамара Петровна фыркает:

– Вот кукиш тебе, Арбатов, из школы меня вынесут только вперед ногами, потому что я преподаю уже шестьдесят семь лет. Я, между прочим, не забыла твое стихотворение, которое ты посвятил мне, там были такие строки: «под толстенькую попку я подставляю кнопочку», – но ты, Арбатов, наврал, потому что у меня всегда была спортивная попка, крепкая и упругая, как и сейчас. А ты книгу стихов случайно не выпустил?

Я слегка краснею, поскольку то мое школьное произведение приличным не назовешь, и бормочу:

– Нет, книг я не выпускал.

Тамара Петровна строго оглядывает меня:

– Ну и дурак, Арбатов, на таких прикольных стихотворениях можно неплохо заработать. Сразу видно, что ты не еврей, они своих шансов не упустят. Но евреев я не люблю, потому что они Бога распяли.

Я удивляюсь этим словам, потому что Тамара Петровна сама была еврейкой, и говорю:

– Тамара Петровна, а ведь двадцать пять лет назад вы сами были еврейкой.

Тамара Петровна гордо вскидывает голову и провозглашает:

– Я и сейчас еврейка, и горжусь этим, потому что Христос был евреем, а у вас, у татар, и богов-то не было.

Я опять удивляюсь:

– Тамара Петровна, но я же не татарин, я русский.

Старая учительница возмущается:

– Да какой ты к черту русский?! Русь более ста лет была под властью татар, и они перетраха́ли всех русских женщин и мужчин за это время. Мужчины, конечно же, не рожали, а женщины рожали, и очень успешно, население за тот период увеличилось в несколько раз, и вначале это были полукровки, а потом почти чистые татары с маленькой примесью других национальностей. Я поняла это десять лет назад – тебя в школе уже не было – и начала эту мою теорию доносить до убогого разума моих учеников: они у меня бегут стометровку или прыгают через скакалку, а я им в это время читаю мою теорию, и если, Арбатов, ты умный человек, то придешь завтра на мой урок физкультуры, и я прочитаю тебе мою теорию, там немного, всего сорок пять печатных страниц четвертого формата.

Учительница берет меня за руку своей сухой, сильной, спортивной рукой, останавливается, заставив остановиться и меня, и строго спрашивает:

– Так ты придешь, Арбатов, или нет?

Не желая обижать старого человека, я соглашаюсь:

– Хорошо, Тамара Петровна, я приду завтра к вам на урок.

Лицо старой учительницы смягчается, она отпускает мою руку и грозит мне пальцем:

– Только чур без шалостей, а то я помню, как вы с дружкой твоим придурочным Громовым турник солидолом намазали.

– Машинным маслом, – поправляю я, и хотя с турником все это устроил Генка, а я вообще был довольно тихим учеником, но я не возражаю, чтобы не сердить заслуженную учительницу.

– Не важно! – восклицает она и продолжает: – А я тогда еще не такая сильная и ловкая была, как теперь – прыгнула с разбега, чтобы вам, остолопам, показать упражнение, схватилась за перекладину и полетела дальше. Хорошо, маты вокруг были настелены... А как поживает этот проказник Громов?

Я снимаю шапку:

– А Громов, Тамара Петровна, погиб... вчера...

– Громов?! – выкрикивает учительница. – Ха-ха-ха! – хохочет она дребезжащим смехом. – «Громов погиб»! Да ты, Арбатов, юморист! Хочешь, чтобы я поверила в такую чушь. Такие прохиндеи, как Громов, в огне не горят и в воде не тонут, они из любой ситуации выкрутятся, уж я-то знаю. Скажи мне лучше, Арбатов, а дети у тебя есть?

– Есть, пятеро, – отвечаю я.

– Неужели все твои? Что-то не верится.

– Вроде бы мои, – пожимаю я плечами.

– Значит, тебе, Арбатов, крупно повезло – у тебя активные сперматозоиды, а вот у нашего молодого директора школы они дохлые.

Я удивляюсь:

– Тамара Петровна, а почему вас это беспокоит, директор – он что, ваш сын?

– Какой сын, Арбатов! У меня сроду детей не было... я была еще для этого молода... но сейчас пришло время обзавестись хотя бы одним, я уже в зрелом для этого возрасте. Но вот беда: не могу зачать, думаю, все дело в некачественных сперматозоидах моего друга-директора.

– А сколько ему лет? – интересуюсь я.

– Тридцать пять всего, а как осеменитель он уже никуда не годный. Мужики нынче – тьфу!.. Придется мне, Арбатов, попросить тебя об одной услуге интимного свойства.

– Простите, Тамара Петровна, я очень спешу, срочное дело, – оправдываюсь я, – но я могу порекомендовать вам одно верное средство, им поделилась со мной перед смертью моя прабабушка. Надо прийти в Эрмитаж, найти там «Джоконду» Леонардо да Винчи и полчаса смотреть ей в глаза – после этого все женщины обязательно зачинают.

– Арбатов, ты мне только не вешай, не такая я дура, чтобы поверить в твои сказки. Ты еще в школе всех своими выдумками доставал. Я не забыла, как первого апреля ты повесил перед дверью школы плакат, якобы вместо уроков проводится массовый забег всех классов в Сосновском парке, и потом учителя полдня собирали учеников по всему лесу.

Хотя то объявление придумал и повесил Громов, но я не спорю.

Как говорит моя мама, если хочешь сохранить здоровье, никогда не противоречь женщине.

В этот день командировать на мамину дачу алкаша Сидорова мне не удастся: на звонки в дверь он не отвечает, а когда я, забравшись на его балкон, заглядываю внутрь квартиры – вижу соседа, лежащего частично на кровати, частично на полу. И множество пустых бутылок вокруг.

В понедельник утром младшая Александра еще спит, а я вскакиваю по привычке в полшестого, чтобы бежать на работу. Ведь еще не известно, что у нас в дипломате, поэтому работу бросать пока не стоит. Да и Сидорова все равно с утра не оживить, я это знаю. Я быстро одеваюсь и на всякий случай прихватываю с собой дипломат: а вдруг мне удастся вскрыть его на заводе (распилить на токарном станке, например) и тогда не надо будет

тащить его за город, на мамину дачу. Я выхожу на площадку и вижу привычную картину: рядом с соседней дверью спит Сидоров. Похоже, что он уже истратил триста рублей, которые я ему дал, поэтому есть надежда, что к вечеру будет транспортабелен. Я толкаю Сидорова ботинком в ногу, он слегка приоткрывает глаза и смотрит, не узнавая. Я говорю:

– Гражданин, через час приходите в семнадцатое отделение милиции, у нас сегодня бесплатная раздача пива, всем по две бутылки в одни руки.

Сидоров с трудом пытается встать:

– Начальник, блин, а можно подойти сейчас? А то вдруг все разберут и мне, участнику войны, не хватит.

– Нет, сейчас еще рано, коров еще не подоили, приходите через час.

Сидоров садится обратно на бетонный пол и закрывает глаза. А я выхожу из парадного подъезда, пропитанного запахами человежье-кошачьей мочи, вдыхаю морозный чистый воздух и улыбаюсь, потому что впереди целый день, обещающий маленькие и большие приключения.

Погода точно такая же, как и вчера: идет небольшой снег, дует несильный ветер, мороз чуть больше десяти градусов. Сейчас бы взять лыжи да поехать в Кавголово! Обожаю бегать на лыжах по Кавголовским горам, по хорошей лыжне, а лыжня в Кавголово, как правило, очень хорошая, потому что там проходят различные соревнования, разумеется, не пловцов и не шахматистов. А машины, которые позавчера вечером горели, исчезли, их куда-то уже утащили, место бывшего сражения присыпано снегом, и впечатление такое, будто ничего здесь не происходило. «А может, и не было ничего, и все мне только приснилось?» – спрашиваю я себя, но, ощущая приятную тяжесть кейса в правой руке, понимаю, что все было в действительности, и судьба подбросила мне подарок. И мне, и моим женщинам. Вот только какой?

Надеюсь, нам с Александрями все-таки повезет, и в этом не будет ничего противоестественного: некоторые счастливицы выигрывают миллионы в дурацких играх на телевидении, и никто этому не удивляется, все радуются за победителя, завидуют ему, и телепрограмма на этом неплохо зарабатывает. А нам с Александрями судьба подкинула вот этот тяжеленький дипломатик. И уж наверняка там не продукты питания. Из-за его содержимого уже погибло десять человек на моих глазах. А это значит, что там домик на Канарах (как минимум). В принципе, меня порадует любая сумма денег. И отдавать их кому-либо я не собираюсь.

Я дохожу до метро «Проспект Просвещения» и сажусь в маршрутку. На работу я обычно езжу на маршрутном такси. Дорога занимает двадцать пять минут, и за это время можно двадцать пять раз прочитать стихотворение Владимира Маяковского «О советском паспорте». Однажды я прочитал его двадцать четыре раза, а когда начал читать в двадцать пятый, то четырнадцать пассажиров и водитель, не доезжая до кольца, выскочили из машины. Да, разлюбил наш народ высокую поэзию...

Добравшись до завода, я поднимаюсь на второй этаж, вхожу в раздевалку и здороваюсь за руку с тремя крепкими мужчинами. Вообще-то, в бригаде у нас числится двадцать один человек, но семнадцать – болеют, поскольку у них больничные со стопроцентной оплатой (если бы у меня было сто процентов, я бы простужался и болел гораздо чаще), так что мы пашем вчетвером – я, Слава, Иван Ильич и бригадир Власов.

Шестидесятилетний Иван Ильич (которого все зовут просто Ильич, потому что он здорово похож на Владимира Ильича – такой же маленький, с бородкой, и очень прыткий) восклицает:

– Ого, Игорь, видать, начальником стал, на работу с дипломатом ходит!

Ко мне подскакивает Слава Ершов (ему тридцать лет, он в бригаде самый молодой):

– Игорек, а выпить в твоём чемодане ничего нет? Организм клинит, не дай умереть.

– Ничего нет, и я на работе не пью, ты же знаешь – отвечаю я.

Седой пятидесятилетний Власов (он у нас бригадир) бурчит:

– Если ты не пьешь на работе, значит, ты гонишь брак, потому что невозможно работать нормально, когда руки трясутся. Так, кто сегодня бежит за «шилом»? Уже пятнадцать минут восьмого, пора зарядиться, а то так можно и план работы сорвать.

Токари сбрасываются по червонцу, и Славик Ершов как самый молодой и быстрый убегает к одному из подпольных торговцев спиртом (их на заводе четверо, и об их деятельности знают все, в том числе и начальство, но с работы почему-то не увольняют, только переводят из цеха в цех, как переходной выпел в советское время).

Я ставлю дипломат в свой шкафчик и иду работать.

В цеху ко мне подходит Власов (он маленького роста и поэтому смотрит на меня, задрав подбородок):

– Игорь, сегодня твоя очередь подметать цех.

Я возражаю:

– Михалыч, я же в пятницу подметал.

– Мы с утра раскинули картишки – в подкидного, – и ты остался дураком, значит, тебе и подметать, уж не обессудь.

Я не соглашаюсь:

– Как я мог остаться дураком, если я не играл? Я же только что пришел.

– За тебя играл Кузьмич.

Кузьмич – это наш заводской электрик. Трезвым его никто никогда не видел, а пьяненький – он никого и ничего не видит. Меня всегда удивляет, как он обнаруживает перегоревшие лампочки и заменяет их на новые.

– Но Кузьмич не играет в карты, – говорю я. – Это любой тебе скажет. Он не отличит даму от валета.

– Кузьмич только держал твои карты, а ходил за тебя Славик. Но это не важно, – заявляет Власов, – важно, чтобы в цеху был порядок. Так что подметешь, а я потом проверю.

Власов – рабочий старой закалки, и очень уважает чистоту и порядок. Он доволен, что семнадцать человек из бригады не выходят на работу, потому что их семнадцать станков стоят чистые и не производят металлическую пыль и стружку. И кто бы ни убирал в цехе, Михалыч обязательно подметает следом, ворча, что нынешняя молодежь не умеет держать в чистоте рабочее место.

– Сталина на вас нет, – рычит он. – При нем вас бы всех до единого расстреляли.

Власов уходит, а я включаю станок и закуриваю, не обращая внимания на табличку «Не курить!». В нашем цехе, где на каждом квадратном метре стоит станок, все курят, поэтому кислорода в цехе нет, а нам, токарям, он не особенно-то и нужен для производительности труда: недостаток кислорода будоражит кровь и заставляет двигаться в ускоренном режиме. Так считает наш начальник цеха Иосиф Ромуальдович Кац, маленький шестидесятилетний еврей на кривых ножках. О том, что он еврей, Кац напоминает всем по двадцать раз на день. Обычно он подходит к рабочему, кладет ему руку на плечо, смотрит пристально в глаза сквозь толстые стекла очков и говорит:

– Представляете, батенька, евреев на заводе нет, потому что здесь работают люди без мозгов, я – исключение из правил. Я здесь, и это значит, что вы будете работать за троих – за себя и за двоих евреев, один из которых играет на скрипке, а второй рисует картины. Если бы не мы, мир бы состоял из одних рабочих. Так что, батенька, затяните потуже свой ремень на брюках и работайте в утроенном темпе.

После этих слов Кац привычно стреляет покурить и неторопливо удаляется на своих кривых ногах. Свои сигареты он всегда забывает в раздевалке.

Вскоре возвращается с добычей улыбающийся Славик. Скверно пахнувший технический спирт «бодяжат» (разбавляют) водой, и пьют, как верующие – «святую» воду. Я мысленно сочувствую этим камикадзе, потому что однажды попробовал этот адский напиток. Дело в том, что наш шестидесятилетний Ильич обожает устраивать всякие приколы – то Славику в сумку болванку подложит килограммов на восемь, а тот добросовестно прет ее домой, то кому-нибудь в сапоги металлической стружки насыплет. Как-то летом он пробрался незаметно в раздевалку, вытащил у меня из пакета полиэтиленовую бутылку с компотом, который мне приготовила жена Александра, компот вылил, а бутылку заполнил спиртом и чуть подкрасил чаем. Я прибежал разгоряченный глотнуть компотику, хлебнул – и чуть было не окочурился, как выражается наш Власов. Токари это помнят, и обычно мне не наливают. И меня это радует, потому что, как говорит моя мама, негоже отцу пятерых детей и мужу двух женщин (младшую Александру мама тоже считает моей женой) пить алкоголь, такую роскошь могут позволить себе лишь *одноженцы*.

Старшая Александра тоже так считает и часто говорит:

– Если ослика напоить, то он превращается в крокодила, а какая женщина согласится делить постель с крокодилом?

Бойцы между тем выпивают по второй не закусывая, и Власов делится:

– Мужики, слышали вчера о кровавой мясорубке на улице Демьяна Бедного? Вчера там погибло четырнадцать бандитов, мой сын в пятнашке работает ментом, все знает – никто не выжил. Говорят, из Сибири кому-то под заказ поступила партия подпольно обработанных алмазов, и бандюганы их не поделили. В одной из сгоревших машин в сейфе обнаружили два миллиона долларов. Похоже, что это были покупатели, но что-то помешало сделке, и мужики друг друга переколбасили, а алмазы пропали.

Славик Ершов недоверчиво замечает:

– А может, все это сказки и не было никаких алмазов? Просто чуваки бились за два лимона... нет чтобы по честному поделиться и разбежаться. Пожадничали – и отправились к предкам, дебилы.

Власов возмущается:

– Как это не было алмазов? Да мой сын это дело ведет, он майор в пятнашке, его стукач выдал всю информацию за полчаса до бандитской стрелки, и менты весь район обложили...

Ершов снова не верит:

– И где же тогда эти алмазы?

– Где-где – в звезде, вот где. Один самый ушлый успел с ними уйти. Все-таки темно было, он и слинял незаметно.

Тут я начинаю смеяться, и не потому, что мне смешно, а потому, что, узнав о содержимом дипломата, я разнервничался, а когда я нервничаю – я, бывает, беспричинно смеюсь (но Власов об этом не знает). Он обижается:

– Ты что, идиот? Четырнадцать человек погибло, а ты смеешься. Это оттого, что ты не пьешь, как нормальные люди, и психика у тебя из-за этого нарушена.

Я иду к своему станку и при этом улыбаюсь так радостно и широко, что заметившая это кладовщица Белова спрашивает:

– Игорь, а ты не заболел?

– Нет, – говорю я, – наоборот. Я здоровее всех!

Похоже, нам с Александрой бешено повезло. Хотя, наверное, эти алмазы будет чрезвычайно трудно продать. Но не отдавать же их ментам или бандитам, пошли они в задницу. Тем более, что теперь их отдать без проблем очень сложно. Вчера еще можно было, а сегодня уже поздно. К тому же, никто не видел, что дипломат попал к моей Шуре на балкон, иначе я бы сейчас так спокойно не работал. Труп на балконе Галкина обнаружат только через два-три дня, потом выйдут на Сидорова, а через него – на меня, значит, сегодня же нужно Сидо-

рова увезти за город, дипломат вскрыть, а алмазы надежно спрятать. Но где? Может быть, их закопать у мамы на грядке? Но если меня чуть-чуть прижать, я тут же расколуюсь, потому что очень боюсь боли. Я даже к зубному врачу не хожу, несмотря на то что один зуб необходимо полечить. Я, конечно, все буду отрицать, но только до первого акта насилия, а потом все отдам. Менты, говорят, умело пытаются, не хуже мафии.

Твою мать! Ну какой же я болван, нельзя было посвящать в это дело Сидорова. Я бы мог и сам избавиться от трупа, ночью бы вынес его на улицу и бросил рядом с соседним домом. И никто бы ничего не заподозрил, а теперь такие проблемы... Хорошо еще, я посоветовался с мамой, а так что бы я делал без нее. Отличную она подала идею – отправить Сидорова к ней на дачу и подрядить его пилить там дрова, в прошлом году он целый месяц пилил за бутылку водки в день, ну и за закуску, конечно. Мама была довольна. Все, сегодня же отвожу его в Пери, куплю пару ящиков водки – и две недели он с дачи не выйдет, а там мама что-нибудь еще придумает.

А ведь я сразу, еще на Невском, когда Громов всучил мне этот кейс, почувствовал, что в нем что-то очень ценное. Ни хрена себе! Два миллиона баксов! Для скромного русского токаря это космическая сумма, рядом с которой чувствуешь себя микробом, мне бы хватило и ста тысяч.

Я стою рядом со своим неработающим станком, улыбаюсь, как Остап Бендер, узнавший о миллионах Корейко, воображаю, как обрадую сегодня вечером своих Александр, и не замечаю, как рядом со мной оказывается начальник цеха Кац.

– Арбатов, почему не работаем?! – набрасывается он на меня. – Почему простаиваем? Запомни, к концу месяца ваша бригада должна выполнить план, который рассчитан на двадцать одно рыло, тьфу, человека, дай-ка закурить, а то мои остались в куртке.

Я даю ему сигарету, и он уходит, ковыляя на своих кривых ногах. А я снова вспоминаю про свое сокровище и, улучив минутку, бегу в раздевалку, чтобы проверить, на месте ли оно.

Открываю шкафчик: слава богу, на месте. Меня распирает желание вскрыть дипломат и взглянуть на драгоценности. Алмазов в живую я еще никогда не видел. Но лучше сделать это после смены... Черт возьми! А ведь я стал чрезвычайно богатым человеком! Теперь Александры не будут обзывать меня, хотя бы и в шутку, пролетарием или Демьяном Бедным. Для старшей и наших с ней мальчиков я построю коттедж в Лисино, а для младшей с девочками коттедж в... тоже, пожалуй, в Лисино, потому что тогда у меня будет меньше разъездов. Ну, а маму я отправлю в кругосветное путешествие, она уже пожилой человек, и ей надо взглянуть на мир. Она всю жизнь просидела в Петербурге, это не дело. А себя я порадую шикарной валютной проституткой, мне ведь уже сорок лет, а я ни разу не трахался с профессионалками. Мои-то женушки не большие специалистки в сексуальном плане, младшая еще куда ни шло, и меня она в общем-то устраивает, а для старшей секс – дело второстепенное, и как только у нас получились такие славные мальчики?

Я возвращаюсь на свое рабочее место, но вскоре снова начинаю нервничать: как бы не спер кто-нибудь мое богатство. И зачем я притащил с собой этот дипломат? Только такой идиот, как я, способен припереться на работу с двумя миллионами долларов. И в нем не просто миллионы, в нем – будущее моих детей, и благополучие моих женщин – двух Александр и мамы... Да и мое собственное благополучие. Какой же я баран!

Через полчаса снова бегу в раздевалку, открываю шкафчик: все в порядке. Вскоре на меня уже начинают коситься, а начальник цеха Кац говорит:

– У тебя что-то с животом? Ты все время куда-то убегаешь.

Тогда я приношу дипломат в цех и ставлю рядом со своим станком, чтобы он все время был на глазах. Поработаю – гляну: стоит. О, господи, судьба оказалась щедрой ко мне, нищему скромному петербуржцу, это похоже на сказку, но это явь: я обладатель выигрышного билета на два миллиона долларов. Как-то я выиграл у игрового автомата у метро восемь

тысяч рублей, и мне этот выигрыш показался огромным, потому что я никогда не выигрывал в своей жизни больше червонца. Когда я отдал потом четыре тысячи жене, она позволила мне трахнуть ее сзади, хотя прежде считала это бесстыдством. А младшая Александра, получив от меня на следующий день оставшиеся четыре тысячи, полчаса читала вслух стихи Александра Блока (он ее любимый поэт), а потом сделала мне минет, хотя раньше стыдилась орального секса. Интересно, а что же они разрешат мне вытворять с собой теперь, когда узнают о двух миллионах долларов?...

Я заканчиваю очередную деталь, поворачиваю голову, и у меня возникает ощущение, как будто мой кот Жуков впился мне когтями в грудь: дипломата нет. Вместо него – какой-то ободранный потертый чемоданчик какашечного цвета. Открываю этот сраный чемоданчик: внутри отвертки, кусачки, мотки провода, лампочки и початый шкалик с водкой. Да это же инвентарь Кузьмича!

– Электрик здесь был? – подскакиваю я к Власову.

– Был минуты три назад.

Как же я его не заметил? Хотя Кузьмича трудно заметить, потому что он – человек-тень. Только Власов и мог его заметить.

– А куда пошел, не знаешь? – допытываюсь я.

– Кто его знает? Он по всему заводу шастает.

Я хватаю чемоданчик электрика и бегу в соседний цех. Там мужики сидят за столом и режутся в домино. В момент моего появления проигравший забирается под стол и начинает кукарекать.

– Кузьмич у вас не появлялся? – выкрикиваю я.

Мужики досчитывают до сорока и только после этого поворачиваются ко мне:

– А кто его знает, может, и появлялся.

Бегу дальше. В следующем цехе рабочие играют в жмурки: один с завязанными глазами бежит за остальными, которые толпой от него удирают, запрыгивая иногда на станки.

– Кузьмича не видели? – кричу я громко, но они меня не слышат.

Наконец в третьем цехе вижу стоящего на коленях самого Кузьмича, он колотит о бетонный пол моим драгоценным дипломатом и матерится.

– Отдай! Мать твою! – выкрикивает он. – Отдай, сука!

Я неторопливо подхожу к электрику, беру из его рук дипломат, вставляю в его кулак ручку чемоданчика и успокоенный иду прочь. И слышу за спиной радостное:

– Вот ты где, родимая!

Обернувшись я вижу, как Кузьмич, сидя на коленях, любовно поглаживает шкалик.

Верно говорит моя мама: пьяница – это мужчина, который никогда не изменяет своей избраннице – бутылке.

Придя в цех, я незаметно засовываю дипломат под станок и присыпаю металлической стружкой. Как я сразу не догадался это сделать? Мог бы не волноваться столько времени понапрасну.

Перед обедом я подметаю цех, но свою кучу стружки под станком, естественно, не трогаю.

А потом мы идем на обед и когда возвращаемся, я заглядываю под свой станок... Твою мать! Под станком – чисто: стружек нет, дипломата тоже и ни единой соринки.

– Кто убирал стружки?! – кричу я.

– Власов, кто же еще. Он страшно ругался, что у тебя под станком беспорядок, – отвечают мне.

Я больше ни о чем не спрашиваю, а сразу бегу во двор, где у нас стоит большой контейнер, в который сваливают мусор из всех цехов. Но контейнера на месте нет, а в воротах я вижу выезжающий за пределы завода «Камаз» с кузовом-контейнером. Я рысью мчусь за

ним, но автоматические железные ворота смыкаются перед самым моим носом. Все, твою мать! Два миллиона баксов упорхнули! Судьба повернулась ко мне задом. Господи, и почему я такой невезучий? Нет, я не невезучий, я дурак, сорокалетний дурак, точнее мудака, который размышлял о шикарном будущем. Как же мне теперь узнать, на какую свалку повезли этот контейнер? И где его там вывалят? И мыслимо ли мне в Джомолунгмах и Монбланах мусора найти одинокий крохотный дипломатик? Скорее всего, его отроют бомжи, которые живут на свалках и перебирают-сортируют их содержимое. А может, стружку сразу отправляют на переплавку, и тогда вообще не остается никаких шансов...

Я уныло бреду в цех, но не доходя до его, захожу в туалет и с полчаса сижу на унитазах, потому что мне никого не хочется видеть. Родился уродом – уродом и помру. Хорошо, что мама о случившемся не знает, она бы меня не похвалила, она бы в лучшем случае отвесила бы мне пару подзатыльников, потому что мама должна учить своего непутевого ребенка жизни. Маме я скажу, что алмазы у меня отобрали вооруженные бандиты (хоть врать маме и нехорошо).

Меньше всего мне хочется сейчас видеть Власова. Чертов любитель чистоты! Будь тебе неладно. Но, войдя в цех, я первым делом вижу довольного Власова за его станком. Он как будто стал повыше. Зайдя сзади, я понимаю, в чем дело: коротышка стоит на возвышении, а это возвышение – мой заветный кейс.

– Гляди, какую хреновину себе приспособил! – улыбается бригадир. – В мусоре нашел. Для кого-то это был просто ящик, а для меня – постамент!

Я выдергиваю из-под коротышки его постамент, несу его опять в раздевалку и запираю в своем шкафчике. Хватит мне бегать с этим дипломатом с места на место, как старухе с корытом, вернее, как Арине Родионовне с маленьким Сашенькой...

И вообще, в раздевалке у нас не воруют, если не считать сигарет, носовых платков, расчесок и денежной мелочи из карманов, но это воровством не назовешь.

Но вот и конец рабочего дня, я уж думал, он никогда не завершится. Я выключаю станок, обметаю его щеткой, закуриваю, иду в раздевалку, открываю шкафчик... Мама родная! Твою мать! Какой-то урод все же спер мои драгоценности...

Я обшариваю шкафчик, заглядываю под него, за него, под другие шкафчики – нету. Господи, какой я кретин, поперся на эту сраную работу с кучей алмазов, ведь я мог бы оставить их у младшей Александры. Да и вообще мог бы сам не ходить на работу, владельцу алмазов на два миллиона долларов можно и не работать. Правда, утром я еще не знал, что там алмазы. Мои женщины очень расстроятся, а моя мама назовет меня безмозглым головастиком, она всегда меня так называет, когда я совершаю глупые поступки, а глупее того, что я вышел сегодня на работу, не придумаешь.

Что я теперь скажу Александрам? Они же до конца жизни теперь будут мне напоминать, как я прошляпил целое состояние и какой я после этого олух. А я это и без них знаю.

Как любит приговаривать моя мама, были у Наполеона наполеоновские планы – мечтал обогнуть земной шар за восемьдесят дней, да застрял на острове Святой Елены.

Я выхожу из проходной и бреду пешком, с пустыми руками. Не быть мне богатым, да я, наверное, и не рожден для этого. Я рожден ежедневно ходить на завод (кроме выходных, разумеется), вытачивать детали, подметать цех, получать нищенскую зарплату, выслушивать ворчанье жены и подколки любовницы, зависеть от мамы...

В этих мрачных размышлениях я спускаюсь в метро, доезжаю до нужной станции, бреду к дому, вхожу в подъезд, звоню. Александра открывает дверь, и... в прихожей под вешалкой я вижу его – мой злополучный дипломат. Наверное, вид у меня очень глупый, потому что Александра говорит:

– Ты похож на крокодила Гену, над которым поиздевался Чебурашка. Это Слава Ершов принес. Говорит, старик Ильич решил над тобой подшутить и спрятал дипломат в туалете – затолкал в сливной бачок, а Славик вытащил и хотел сразу тебе вернуть, но ты уже ушел. Вот он и принес сюда. Ты должен его отблагодарить, он всегда о тебе заботится.

– Хорошо, я подарю ему горсть алмазов, когда откроем этот портативный сейф, я теперь знаю точно, что там алмазы. А сейчас я повезу этот сейф на мамину дачу в Пери.

Не раздеваясь, я беру дипломат и отправляюсь к Александре-любовнице и к ее соседу Сидорову.

Дверь мне открывает сонная пухленькая Александра.

– А что, уже вечер, что ли? – спрашивает она. – А я не выпалась и прилегла после работы на минутку.

Я закрываю дверь, ставлю дипломат на пол, целую мягкую, пахнущую постелью женщину в щечку, вручаю ей купленную по дороге розу и говорю:

– Да, уже вечер, ты проспала, наверное, часа два, я принес шампанское, будем отмечать нашу удачу, потому что я знаю теперь, что в этом чертовом дипломате. Но сначала я должен съездить в Пери с твоим соседом Сидоровым. А здесь... – я потряс тяжелой поклажей, – здесь алмазы на два миллиона долларов!

Глаза Александры хищно блестят:

– Так ты открыл его, да?!

– Пока нет.

– Но тогда за что же мы будем пить?

– За то, что внутри.

Сашенька улыбается:

– Вот когда откроешь, тогда и будем пить шампанское. А сосед Сидоров пять раз уже приходил, говорит, срочное дело к тебе, загляни к нему, вид у него очень, очень болезненный.

Я иду в кухню и говорю:

– Да знаю я, что с ним такое: срочно нужно опохмелиться, а денег нет, вот он и ищет, а меня он может припугнуть трупом и получить нужную сумму. Знаешь, если труп обнаружат и возмутятся за Сидорова, он все тут же расскажет. Так что надо бы увезти его поскорее на мамину дачу в Пери. Пусть он пилит там дрова, как в прошлом году, там, кстати, можно и дипломат вскрыть на станке.

Шура ставит розу в высокую вазу и восклицает:

– Какая прелесть, Игоречек, ты меня балуешь, у нас и так мало денег... А с Сидоровым ты все неплохо придумал, увези его от греха подальше.

– Это моя мама придумала, – уточняю я.

– Твоя мама – гениальная женщина, – говорит Александра, и я не могу с ней не согласиться.

Я выхожу на лестничную площадку и звоню в квартиру Сидорова. Тот сразу же открывает дверь (не то, что вчера), выпускает меня к себе в квартиру и хватает за руку:

– Сосед, блин, выручай, помираю, начинаются судороги, если срочно не выпью, то начнет меня корежить и трясти... В прошлый раз в больнице еле откачали, блин, ничего не помогало, пока врач, блин, не дал мне сто граммов спирта.

Вид у Сидорова действительно нездоровый, лицо бледно-серое, белки глаз красные, весь трясет, словно внутри работает отбойный молоток, так что рассказ о судорогах звучит правдоподобно. Известно: по земле ходит около семи процентов алкоголиков, у которых начинаются судороги при нехватке необходимой дозы алкоголя в крови.

Я убегаю к себе, быстро обрисовываю ситуацию Александре, забираю бутылку шампанского и спешу к Сидорову. Тот жадно хватается за бутылку, торопливо дрожащими руками

ее открывает. Брызги с пеной летят в лицо, он жадно пьет шипящий напиток из горлышка. Через минуту ставит пустую бутылку на пол, заставленный десятком других пустых бутылок, и говорит:

– Спасибо, сосед, блин, выручил в последний момент, я уже думал, что каюк Сидорову, но еще не каюк, еще поживем, блин, потопчем землю кривыми ногами!

Увидев, что он уже не умирает, я говорю:

– Слава, у меня к тебе дело: нужно, как и в прошлом году, распилить дрова у моей мамы на даче.

Сосед улыбается, чешет свою лохматую белобрысую голову и говорит:

– Игорь, блин, если ты будешь ставить, как в тот раз, литр водки с закуской каждый день, то я согласен работать у вас на зоне, то бишь на даче, круглый год, блин, а если надо, то и дольше.

– Дольше не надо, там работы на две недели, ну, если управишься за три, то договорились.

– Договорились, – радуется сосед, – управлюсь за три, а когда едем?

– Сейчас одеваемся и едем.

– Хорошо, я одеваюсь и жду тебя, не забудь взять денег.

Я ухожу.

Александра жарит на кухне картошку, воздух пропитан вкусными запахами, я шлепаю ее по полненькой попке, целую в щеку и говорю:

– Милая, в общем я везу соседа на дачу, когда вернусь – займемся сексом в душе.

Сашенька морщит свой носик и ворчит:

– Игорек, я буду за тебя волноваться, покушай картошки с колбасой и езжай скорее, а то не успеешь вернуться.

– Успею, если все будет нормально, то я приеду на последней электричке. Сашенька, ты не переживай, если не приеду сегодня... последнюю электричку часто отменяют.

– Я знаю, – говорит Александра, задирает халатик, показывает свою чудесную голенькую попочку, опускает халатик и смеется. О, какая соблазнительная попка у моей славной любовницы, соблазнительная и моя – могу поласкать ее в любое время.

Александра ставит на стол тарелку с дымящейся картошкой и говорит:

– Мой господин, кушайте картофель, кстати, постарайся открыть на даче дипломат, мне не терпится взглянуть на его содержимое, я алмазов настоящих еще никогда не видела. А что мы будем делать с этими алмазами?

– Продадим их за полцены, нам хватит и миллиона баксов.

– Игоречек, а кому мы их продадим? Нас же могут и убить за такие бешеные деньги, из-за этого дипломата уже многие погибли. Может, не будем вскрывать и выкинем его.

Я возмущаюсь:

– Александра, вначале я его открою и если там алмазы, то я поеду к Фельдману, он крутится вокруг депутатов, и Фельдман пристроит алмазы.

Александра не соглашается:

– Игоречек, но Фельдман же негодяй, он продаст нас и за меньшую сумму, не зря же он общается с депутатами.

– Ну хорошо, – соглашаюсь я. – К Фельдману я не пойду, вскрою дипломат, а потом мама обещала подумать, что нам с его содержимым делать. Мама обязательно что-нибудь придумает.

– Игорек, а если нас поймает милиция, то за содержимое дипломата мы получим по несколько лет тюрьмы, ты о дочках подумал? – спрашивает посерьезневшая Александра.

– Нет, – растерянно отвечаю я. – О тюрьме я особо не думал и меньше всего хочу туда попасть, но менты нас не будут искать, пока Сидоров сидит на даче, значит, у нас будет три

недели, чтобы решить, куда пристроить алмазы, ну, а потом, если ничего не получится, я сам отнесу их на помойку, хорошо?

– Хорошо, Игорек, тогда три недели будем шевелить мозгами. Неужели там на два миллиона?... Трудно поверить в такое богатство... ни фига себе, у нас в руках два миллиона долларов! – Александра улыбается, щеки ее краснеют, а глаза блестят. – Игоречек, неужели мы разбогатели? Два нищих инженера вдруг станут миллионерами... В это трудно поверить. Без дипломата жилось легче, у нас не было проблем, мы любили друг друга, растили девочнок, гуляли по Петербургу, и никто нам не мешал жить. А если кто-нибудь узнает о дипломате, то все, конец покою, весь Петербург ополчится против нас, и мы обязательно проиграем. Ах, Игоречек, если все пройдет хорошо, то поедем сначала в Париж, а потом уже в Венецию.

Я тоже улыбаюсь:

– Сашенька, мы объедем все великие города мира и на самых выдающихся памятниках оставим надписи: «Шура и Игореша были здесь». А потом мы купим яхту с белыми парусами и поплывем вокруг света, вместе с девочками.

– Я согласна, – говорит Александра.

Я доедаю картошку с колбасой, выпиваю стакан теплого чая, одеваюсь, беру в руку дипломат, чмокаю аппетитную женщину в щечку и говорю:

– Чтобы наши мечты стали реальностью, я должен ехать.

Я звоню Сидорову в дверь. Через минуту мы на улице. Дует сильный ветер, летит снег. Мы быстро доходим до проспекта Просвещения, садимся на трамвай и минут через пятнадцать уже стоим на железнодорожной платформе «Мурино». Электричка должна появиться через десять минут. Сидоров спрашивает:

– Игорь, блин, будем считать, что я начал работать, так?

– Так, – соглашаюсь я.

– Тогда купи водки, блин, а то от твоего шампанского ни в голове, ни в жопе. Купи «Сибирскую», давно ее не пробовал, соскучился.

Я покупаю в киоске литровую бутылку водки, два пластиковых стакана, хлеба, колбасы и банку маринованных огурцов.

Подходит электричка, и мы садимся в полупустой вагон, двери с шипением закрываются, и поезд трогается. Мы выбираем два пустых сиденья, садимся у окна друг напротив друга, Сидоров начинает откупоривать бутылку водки, я ставлю дипломат под окно, вытаскиваю складной ножик, нарезаю хлеб, колбасу и открываю банку с огурцами. Сидоров разливает по стаканам водку, беззвучно чокается со мной пластиковым стаканчиком и говорит:

– Давай выпьем за мою удачную работу на твоей-маминой даче, блин, мне очень повезло с твоим предложением, я не знал, что и делать, блин: денег нет, работы тоже, а выпить необходимо. *Пить или не жить* – вот единственная формула моей жизни, без алкоголя я умру, блин, а тебя мне сам бог послал, давай выпьем.

Мы выпиваем, закусываем, Сидоров снимает черную кроличью шапку, бросает ее на сиденье рядом с собой, видок у него неважный: опухшее лицо с недельной щетиной, мешки под глазами, крупные морщины и глаза с красными белками создают впечатление, будто ему за шестьдесят лет.

Я спрашиваю:

– Слава, а сколько тебе лет?

– А сколько дашь?

Я знаю, что он немного моложе меня, но все равно отвечаю:

– Шестьдесят три.

Сидоров улыбается, показав крупные редкие желтые зубы и говорит:

– Двадцать восемь, блин, месяц назад исполнилось. У алкоголиков год идет за три, значит, мне уже семьдесят, но я не переживаю, потому что в жизни все успел попробовать,

блин: и в тюрьме три года сидел, и наемником в Чечне служил, три раза был женат, блин, два раза на женщинах и один – на мужчине, с Эйфелевой башни вниз головой прыгал, удачно грабил банк, но все деньги проиграл в карты, лес валил, землю пахал, три дома построил, двух сыновей родил, блин, книгу стихов написал.

Я удивляюсь:

– А я не знал, что ты пишешь стихи, может быть, что-нибудь прочтешь.

Поезд останавливается на станции Кузьмолово. Сидоров говорит:

– Давай еще по одной выпьем, а потом я почитаю свои стихи.

– Давай, – соглашаюсь я.

Сидоров разливает водку по стаканам, мы выпиваем, от вторых ста пятидесяти граммов я уже заметно плыву, а по Сидорову не скажешь, что он выпил алкоголь. Но это и понятно: если он пьет каждый день литрами, то такая маленькая доза для него, как комару в жопу дробина, тьфу, перепутал, как слону в жопу комар, и я рядом со слонем Сидоровым – если не комар, то воробей. Я уже под хмельком. Интересно послушать его стихи. Люблю слушать стихи, особенно после стопочки водки.

Поезд трогается, а Сидоров закрывает глаза и начинает громко и с завыванием читать:

Я по первому снегу бреду, блин,
В сердце ландыши вспыхнувших сил, блин,
Вечер синею свечкой звезду, блин,
Над дорогой моей засветил, блин...

Он читает минут пять, потом открывает глаза и спрашивает:

– Ну, и как?

– Хорошо, только ведь это Есенин.

– Я знаю, что Есенин, блин, но мне так не написать и поэтому мне мои стихи читать не хочется.

В Токсово в вагон заходят контролеры: две крупных женщины и еще более крупный мужчина. Они неторопливо доходят до нас, я лезу за билетами в карман куртки и не нахожу, я обыскиваю все свои карманы и опять не нахожу. Я смотрю на Сидорова и спрашиваю:

– Слава, может быть, билеты у тебя?

Он удивляется:

– Да ты что, Игорь, у меня их никогда не было, ты же их покупал, блин, и я видел, как ты засунул их у кассы в карман, может быть, блин, у водочного киоска обронил, когда деньги доставал.

– Может быть, – соглашаюсь я и говорю контролерам: – А у нас билетов нет. Я, кажется, их выронил в Мурино.

Застывшие лица контролеров оживляются, женщины улыбаются, а мужчина говорит басом:

– Платите штраф за себя, за жену и за багаж, итого пятьсот.

Я хочу отдать деньги, но меня опережает Сидоров своим криком:

– Какие пятьсот, блин, ведь за человека штраф сто рублей, и в сумме получается двести, а багажа у нас нет!

– А дипломат у окна разве не ваш? – спрашивает контролер-мужчина.

– Мой, – отвечаю я.

А Сидоров продолжает:

– А дипломат, блин, это ручная кладь, за нее платить не надо!

– Как это не надо? – удивляется контролер-мужчина. – Дипломат стоит на полу, значит, это багаж, вот если бы он стоял у вас на коленях, тогда он был бы ручной кладью. А так он стоит на полу, значит, это багаж, платите за него рублики.

Сидоров не унимается:

– Но штраф за багаж, блин, пятьдесят рублей, а вы просите двести пятьдесят за один багаж.

Контролер-мужчина опять удивляется:

– Кто?! Я прошу двести пятьдесят за один багаж? Да не может этого быть, я прошу за один багаж – пятьдесят, за два – сто, за три – сто пятьдесят. У вас шесть багажей, значит, в сумме вы мне должны триста рублей, за мужа и жену – двести и плюс триста за шесть багажей. Платите.

Сидоров возмущается такими вычислениями и спрашивает:

– Да где же вы увидели шесть багажей, блин?! Один дипломат и все!

Мужчина-контролер добродушно улыбается:

– Да вот же еще четыре багажа – это бутылка водки, два стакана и банка с огурцами. Это все ваше?

– Наше, – отвечаю я, а озверевший Сидоров вопит:

– Тогда полбуханки хлеба тоже багаж, штрафуйте и за нее, блин!

Мужчина-контролер согласно кивает головой:

– А вы, девушка, правы, я действительно не заметил седьмого багажа, значит с вас пятьсот пятьдесят рубликов. Платите или пройдем в отделение милиции в Токсово, там вас научат правильно ездить на электричках.

Я достаю деньги, отдаю их контролеру, потому что мне совсем не интересно оказаться в милиции со своим дипломатом.

– Знаете, уважаемый, – объясняет контролер, – у нас закончились штрафные квитанции, я честный человек, я заполню их потом, но если вы мне не доверяете, то тогда пойдем разбираться в Токсовское отделение.

Идти разбираться в отделение я по-прежнему не желаю, поэтому говорю:

– Мы вам верим, можете сами заполнить потом штрафные квитанции.

Контролеры уходят, а Сидоров разливает по стаканам водку и говорит:

– Игорек, зря ты им столько много отдал, ты же не миллионер, блин, дал бы двадцать рублей, и они бы отвязались.

– Но у меня не было мелких денег. К тому же я не люблю скандалы.

Сидоров хвастается:

– А я бы мог их убить голыми руками, блин, но не стал, потому что не убиваю за такие маленькие деньги.

Я удивляюсь и спрашиваю:

– А за большие ты убиваешь?

– В Чечне убивал, но это все в прошлом. Один индусский атолла, который хотел обратить меня в иудейскую веру, сказал, блин, что бог меня за все простил, но я думаю, что атолла врет, потому что боль в моей душе не проходит, блин, поэтому я и не довожу себя до трезвого состояния, давай выпьем.

Мы опять беззвучно чокаемся и выпиваем. Поезд в это время проходит мимо заснеженного Кавголовского озера. Сидоров спрашивает:

– А ты знаешь, что Кавголовское озеро, блин, самое глубокое в мире?

– Нет.

– Теперь знаешь, блин. Его глубина тыща сто двадцать метров.

– А я и не знал, что озера бывают такими глубокими.

– Теперь знаешь.

Мы выпиваем еще по стаканчику, и бутылка заканчивается.

Наконец поезд подходит к станции Пери. Я подхватываю дипломат, и мы выгружаемся из вагона. Платформа немного раскачивается, но не потому, что от нее отходит поезд, а потому, что я сильно пьян, я пьян в стельку или в доску, или в дупель, меня штормит, я держу Сидорова под руку и что-то пою о горькой лаванде. Сидоров подводит меня к магазину и требует:

– Арбатов, возьми, блин, еще пару литров водки, а потом пойдем к тебе на дачу.

Я соглашаюсь, мы заходим в магазин и покупаем два литра водки. А еще через пять минут я пытаюсь открыть входную дверь небольшого домика. Ключ не хочет попадать в замок или замок уворачивается от ключа. И зачем я так много выпил? Сидоров ждет три минуты, отбирает у меня ключ и легко открывает дверь. Мы входим в дом, я ставлю дипломат на пол и вдруг спрашиваю Сидорова:

– Слава, а ты не хочешь заработать миллион?

– Хочу, – отвечает Сидоров. – За лимон я убью и президента... какой-нибудь компании, голыми руками, блин.

Я включаю свет, а Сидоров подходит к столу, ставит на него бутылки, потом вытаскивает из шкафчика стаканы, а из холодильника тушенку, квашеную капусту и говорит:

– Банкет продолжается, господа присяжные заседатели, блин, но командовать парадом буду не я.

– А кто будет? – спрашиваю я.

– Ты, потому что ты хозяин. Или замхозяина.

Сидоров наливает по полстакана водки, берет свой, теперь уже звонко чокается с моим и говорит:

– Арбатов, ты хороший мужик, блин, но за такую маленькую зарплату я не буду пилить твои дрова.

Я улыбаюсь:

– Слава, ты тоже отличный человек, и я заплачу тебе полмиллиона баксов.

Сидоров тоже улыбается:

– Арбатов, да ты совсем кривой, блин, полмиллиона баксов ты заплатишь ключнику Петру за пропуск в рай, блин, а мне хватит двух литров водки в сутки. С закуской, конечно. Надо затопить печь, у тебя тут не Африка.

Сидоров кажется мне прекрасным человеком, так что почему бы с ним не поделиться? Я говорю:

– Слава, у меня в дипломате алмазы на два миллиона долларов – случайно повезло, – и если их удачно продать, то хватит на четверых.

Сидоров интересуется:

– А кто третий и четвертый?

– Моя жена Александра и любовница Александра. Да! И еще мама пятая.

– Арбатов, ты, пьяный, смешнее, блин, чем мой отец: он после второго стакана предлагает издать мои стихи в Америке и сделать из меня второго Бродского.

– А кто твой отец?

– Да никто, пенсионер нищий, получит пенсию, блин, пропьет ее за четыре дня, а потом ходит и собирает пустые бутылки. Давай-ка лучше выпьем, миллионер хренов.

Мы чокаемся, выпиваем, закусываем, и я говорю:

– Слава, ты не обращай внимания на то, что я выпил лишнего, я не брежу и говорю совершенно серьезно: у меня в дипломате алмазы из Сибири, и именно за них бились бандиты тогда перед домом, а один из них с дипломатом ухитрился прыгнуть на мой балкон и там умер, ну, а его труп ты помогал мне перетаскивать на балкон Галкина.

Сидоров перестает улыбаться и спрашивает:

– И что же, этот дипломат сейчас здесь?

– Да, – радостно отвечаю я. – Я об этом тебе и толкую, мне ужасно повезло, а ты прекрасный человек, и я хочу с тобой поделиться, и ты сможешь издать свои стихи в Америке.

Абсолютно трезвый Сидоров говорит:

– Арбатов, это не похоже на розыгрыш, блин. Два лимона баксов – это такая охеренная сумма, за которую и Христос бы продался, но ему столько никто не предлагал. Давай-ка выпьем за эту тему, а потом откроем дипломат и посмотрим на алмазы. Я никогда их не видел, блин, два лимона баксов – это же суперсумма.

– Давай, – соглашаюсь я.

Сидоров наливает по полному стакану, как-то странно смотрит на меня и спрашивает:

– А ты, блин, не боишься, что я тебя убью?

Взгляд Сидорова становится пронзительным, он пригибает меня к земле. Маленький и щуплый Сидоров вдруг преображается в большого и грозного мужчину-зверя, в леопарда, готового прыгнуть на меня, прыгнуть и убить. Ощувив опасность, я перестаю улыбаться и отвечаю:

– Боюсь и поэтому отдаю дипломат тебе, а мне, если честно, деньги не нужны, мне вполне хватает зарплаты токаря, и мои Александры не привычны к большим деньгам.

Взгляд Сидорова смягчается, и он спрашивает:

– Арбатов, а ты что, альтруист, блин, что ли?

– Наверное, – пожимаю я плечами.

Сидоров окончательно становится прежним и говорит:

– Тогда я не буду тебя трогать, блин, и дам тебе десять тысяч баксов. Арбатов, это же огромная сумма, и ты сможешь не работать, а я, блин, поеду в Египет, не люблю я морозов России. Арбатов, пьем до дна за удачу, которая подставилась мне, блин, чтобы я ее поимел. Ха-ха-ха! Это колоссально, блин!

Мы чокаемся, выпиваем до дна (я впервые пью водку полными двухсотграммовыми стаканами), закусываем квашеной капустой, и Сидоров идет затапливать печку, потому что не любит морозов России. Вообще-то я тоже не очень люблю промерзлые помещения, где во время разговора изо рта идет пар, а у нас этот пар идет постоянно. Но я сейчас не способен на какие-либо действия, поэтому затапливает Сидоров. Он заталкивает в печь пачку старых газет, набивает до отказа дровами (с прошлого года осталось еще немного колотых дров), так что некоторые поленья торчат наполовину, и пытается поджечь, но у него ничего не выходит.

– Хреновая печка, блин! – ругается он.

Вообще-то эту печку я клал своими руками. Пять лет назад мама попросила меня найти хорошего печника, чтобы тот сложил печку в ее новом дачном домике, я нашел, привез его к месту работы, но допустил маленькую оплошность – налил ему стакан водки не после работы, как положено у всех печников – за первый дымок, а перед, потому что у Гаврилова (печника) так сильно тряслись руки, что он не попадал мастерком с глиной на кирпич. Гаврилов водку выпил, и руки его через минуту перестали трястись, зато стали подгибаться ноги, так что он сел на пол и сообщил, что в ближайшие четыре часа его тело не сможет работать, зато будет работать его умнейшая головешка, где скрыта вся ценная информация о печном деле. Короче, Гаврилов руководил, а я делал небольшую печь и к вечеру ее закончил и выпил сто пятьдесят граммов за первый дымок. Вместе с Гавриловым, конечно, который отказался даже от денег за информацию о печном деле.

В общем, Сидоров возится с печью, громко матерясь, а я незаметно для себя начинаю дремать.

Мою сладкую пьяную дрему нарушает чей-то занудный и противный кашель. Прислушавшись, я вскоре устанавливаю, что кашляю я сам, и кашляю я от дыма, которым заполнена

вся комната. Я окончательно просыпаюсь, мгновенно трезвею и выскакиваю наружу. На небе светит луна, а из дверей маминого дома валит клубами дым. Твою мать! Пожара мне только не хватало! Представляю, как расстроится мама, если не удастся спасти ее славную дачку.

И тут я вспоминаю, что мы были в доме вдвоем с Сидоровым. О горе!.. Я набираю в легкие побольше воздуха и снова бросаюсь в дом. Из-за дыма ничего не видно, хотя где-то горят лампочки, дышать невозможно, из моих глаз текут слезы, глаза жжет, и они сами собой закрываются. Сидорова обнаружить не удастся. Обратно я выползаю на четвереньках, кашляя, хрипя и обливаясь слезами. Отдышавшись, я встаю и принимаюсь бегать вокруг дачи с криками: «Слава! Сидоров! Слава!». Никто не отзывается. Тогда я мчусь к соседям, у которых имеется телефон, и они сразу же начинают звонить по 01, а старик Иван Степаныч говорит:

– Приедут минимум через два часа, потому что до ближайшей пожарной части тридцать километров, а пожарники быстрее, чем пятнадцать километров в час, не ездят, потому что хотят дожить до пенсии. В прошлый раз, когда горели Хохловы, они приехали через три часа сорок минут, когда и тушить-то уже было нечего. Так что нужно рассчитывать только на свои силы и вытаскивать из дома все ценные вещи, а мы поможем.

– Какие вещи?! – кричу я. – Там человек горит!

Соседи быстро одеваются, мы выскакиваем на улицу и видим... пять подъезжающих к маминой даче пожарных машин с мигающими синими фарами на кабинах. Они останавливаются недалеко от дома, освещая его фарами, и почти сразу же вслед за ними к участку подлетают три легковушки и микроавтобус, из которых выскакивает не меньше десяти мужчин и женщин с микрофонами и телекамерами в руках. Одни снимают дом, из которого дым валит уже не только из дверей, но изо всех щелей и даже из-под крыши, другие подходят к пожарным машинам. Из них появляются крепкие мужчины в блестящих огнестойких костюмах, и женщина-репортер говорит в микрофон:

– А теперь, господа телезрители, мы присутствуем на тушении юбилейного стотысячного пожара, который сейчас на ваших глазах затушат доблестные пожарные трех караулов – ликвидируют его так же быстро и качественно, как и предыдущие девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять.

Дача дымит уже так сильно, что соседи бегут к своему дому, что стоит в ста метрах от маминого, и начинают на всякий случай выносить из него ценные вещи и мебель.

А brave пожарные тем временем браво берутся за дело: одни разбирают забор, другие быстро разворачивают рукава, третьи присоединяют их к цистернам машин, четвертые умело выбивают ломиками окна вместе с рамами, пятые сразу из четырех шлангов направляют мощные струи воды в дымящиеся проемы окон. Несколько пожарных, приставив к стене дома лестницу, взбираются на крышу с топорами, прорубают в черепице дыру, им подают брандспойты, и они принимаются лить воду сверху. Кто-то в костюме, похожем на водолазный, уже врывается в дом. Команда действует быстро, четко и красиво, как на параде, и я невольно любуюсь их слаженной работой.

Через десять минут весь дом пролит сверху донизу, из него лишь слегка сочится последний дымок.

Женщина с микрофоном, ярко освещенная фарами, радостно восклицает:

– Итак, господа телезрители, вы только что видели, как стотысячный пожар был успешно ликвидирован нашими героическими пожарными за рекордно короткое время... – она смотрит на часы: – за семь минут тридцать пять секунд! Как вы это прокомментируете? – обращается она к огромному усатому пожарному в новой чистой форме (очевидно, руководителю тушения).

Тот подкручивает перед камерой свои великолепные усы и отвечает:

– Для нас это обычное рядовое тушение, здесь нет ничего героического.

Репортер возражает:

– Но сама ваша профессия опасная и героическая. К тому же всем известно, что наши пожарные самые оперативные. Скажите, пожалуйста, как вы, работая в экстремальных условиях, добиваетесь таких замечательных результатов?

Офицер подбоченивается:

– Как говорит мой отец, тоже потомственный пожарный, чтобы укротить огненного змея надо вступить с ним в контакт, что не каждому дано. Мы это умеем. Ведь мы не просто льем воду, как это кажется со стороны, – мы совершаем обряд, заговариваем расшалившегося дракона, и он нас слушается, отступает, убирает из этого места свои щупальца. Но уничтожить его до конца невозможно, поэтому наша профессия...

Я не слышу, что он говорит дальше, потому что спешу в дом. Света в доме нет, его, наверное, вырубил из-за большого количества воды, поэтому я прошу у одного из пожарных фонарь. Я осматриваю все комнаты, ожидая в любой момент наткнуться на обгорелый труп соседа Александры; я заглядываю во все углы и даже на чердак, но Сидорова словно водой смыло. Внутри дачи все мокрое, на полу лужи, по стенам еще струится вода, и обои отвалились. Следов огня почему-то нет. Мокрая потемневшая печка, набитая дровами, частично обуглившимися, продолжает слегка дымиться. Я подхожу к ней, осматриваю, потом выдвигаю вверх заслонку, и дым тотчас исчезает. Черт! Вот черт! Это я во всем виноват: не сказал Сидорову про заслонку, и теперь мамина дача вся пропитана водой.

Я выхожу наружу, где в ярком свете фар тележурналистка продолжает брать у командира пожарных интервью:

– Зрителям будет интересно узнать, много ли у вас выездов в день.

– Сотни, родная, сотни, ведь мы лучшая команда в Ленинградской области, и находим самых крепких и здоровых женщин в области для поддержания нашего пожарного генофонда. – Красавец-пожарник целует женщину-репортера в щеку.

– Скажите, офицер, а много ли у вас ранений? Говорят, истинный пожарный меняет кожу раз в год, как змея.

Офицер подкручивает усы и отвечает:

– Да, любезная, вы угадали, я действительно регулярно меняю свою кожу, и это позволяет мне всегда выглядеть молодо. Женщины это ценят и никогда мне не отказывают. А вы, блистательная, не хотели бы встретиться со мной в более интимной обстановке?

Женщина-репортер хихикает:

– Трудно устоять перед таким бравым мужчиной, я думаю, большинство телезрительниц не смогли бы отказаться от такого предложения, не смогу и я, но это уже тема другой передачи.

В конце диалога они распивают бутылочку шампанского за юбилейный пожар и за приятное знакомство. Рядовые пожарные к этому времени успевают уже свернуть рукава, убрать брандспойты, лестницу, все прибывшие рассаживаются по машинам, заводят моторы, и через минуту возле маминой дачи остаюсь я один. В руках у меня маленький красный флажок в виде язычков пламени, на котором написано: «Юбилейный пожар, ликвидированный доблестными пожарными Ленинградской области». Кто успел мне его вручить? И где же все-таки Сидоров? Я вспоминаю, что часа два назад отдал пьяному соседу младшей Александры все алмазы, и, скорее всего, он укатил с ними на последней электричке.

Я помогаю соседям затащить мебель обратно в дом и остаюсь у них ночевать.

Ранним утром в темноте я заколачиваю досками проемы окон на маминой даче, а также прихватываю гвоздями дверь, которая разбухла, обледелела и перестала закрываться.

Я бреду к станции и размышляю о том, как объясню маме то безобразие, какое я сотворил с ее любимой дачкой. Может быть, до весны ничего не говорить? До весны она вряд

ли на нее соберется. Или лучше сразу во всем признаться? Что я за олух – дачу испортил, алмазов лишился...

«Наверное, Сидоров летит сейчас на самолете в свой Египет, – предполагаю я, поднимаясь на обледенелую платформу. – Хотя нет, ему надо сначала найти покупателя на алмазы, а еще прежде того вскрыть дипломат. Так что, скорее всего, он его сейчас вскрывает...»

Твою мать! Удача мне вначале улыбнулась, потом показала свою голую задницу и ушла к другому счастливицу – Сидорову, который сейчас ее трахает (как он сам выражается). А во мне просыпается ревность.

К платформе подходит ранняя освещенная электричка, я вхожу в последний вагон. Поезд трогается. Я занимаю свободное место, народу не очень много.

Мужчина, сидящий напротив меня, говорит:

– Судя по вашему унылому виду, у вас неприятности – наверное, украли кошелек с деньгами. Но я помогу вам забыть все печали.

Попутчик достает из сумки литровую бутылку с вермутом, открывает, отпивает из нее треть, протягивает ее мне и говорит:

– Вот универсальное лекарство, самый целительный напиток на земле, с тех пор как я начал его употреблять, я забыл про плохое настроение, давление, простуду, недержание мочи, меня любят женщины.

Я любопытствую:

– И как давно это началось?

– Пятьдесят лет назад.

На вид мужчине чуть больше пятидесяти, поэтому я опять спрашиваю:

– А сколько же вам лет?

– Семьдесят пять, я так хорошо сохранился, потому что ежедневно пью вермут: утром – литр, вечером – литр, и никаких проблем.

Мы проезжаем мимо Кавголовского озера, я спрашиваю:

– А вы знаете, что Кавголовское озеро самое глубокое озеро в мире?

Мужчина отпивает немного и отвечает:

– А мне пофиг, главное, чтобы вермут был всегда под рукой.

В Токсово в вагон заходят контролеры: две женщины и мужчина, которые меня уже штрафовали вчера за безбилетный проезд. Они неторопливо доходят до нас, проверяя билеты у пассажиров и, когда я говорю, что еду без билета, мужчина-контролер басит:

– С вас штраф двести рублей.

Я интересуюсь:

– А почему не сто? Ведь я еду один и без багажа.

Дипломата у меня больше нет, поэтому я не боюсь обострения отношений.

Контролер-мужчина обращается к двум сопровождавшим его женщинам:

– Он один или двое?

Одна из них говорит:

– Вроде бы двое.

А вторая:

– Вроде бы один.

Контролер-мужчина подбрасывает в воздух монетку, ловит ее и говорит:

– Если орел, то один, если решка, то два.

Открывает ладонь, показывает мне решку и улыбается:

– Ну, вот видите, вам не повезло, вас двое, платите двести.

Я беру бутылку вермута у соседа, уже показавшего свой билет, отпиваю из нее и заявляю:

– А у меня только десять рублей, и если вам мало, то можем пройти в отделение милиции в Девяткино и выяснить отношения там.

Мужчина-контролер кивает:

– Все в порядке, гражданин, можете ехать дальше.

Контролеры уходят. Я глотаю немного вермута из бутылки и говорю:

– Эти говнюки сорвали с меня вчера пятьсот пятьдесят рублей.

Мужчина забирает у меня бутылку, допивает остатки вермута, ставит ее на пол и замечает:

– Ты сам им это позволил. Но сегодня ты подкрепил свою волю чудодейственным напитком.

Поезд подходит к станции Девяткино. Я выхожу в тамбур. Состав останавливается, двери с шипением раскрываются, и я оказываюсь на обледенелой платформе. После вермута мне намного веселее. Ну, был дипломат с алмазами и пропал, и хрен с ним, проживу я и без него. Пусть Сидоров за меня покайфует.

Решаю ехать сначала к Александре-младшей, ведь она ждет меня еще со вчерашнего вечера и наверняка волнуется... или еще спит: на работу ей не надо вставать так рано, как мне.

Я поднимаюсь на лестничную площадку и застываю с приподнятой ногой: у соседней двери спит Сидоров, а под головой у него мой дипломат. Рядом – пустая литровая бутылка из-под водки (видимо, вторая из вчерашних двух).

Я аккуратно вытаскиваю из-под головы соседа свою собственность, а Сидоров бормочет:

– Идите в задницу, египтяне хреновы... Где у вас тут водочный магазин, блин?...

Затем он переворачивается на другой бок и выкрикивает:

– Товарищ сержант, только не по печени!.. У меня там осколок... с первой мировой... сжальтесь над ветераном трех войн... кровью оплатил вашу сытую жизнь, сволочи!..

Я звоню в дверь рядом и через минуту обнимаю милую, вкусно пахнущую Шурочку и думаю о том, что жизнь прекрасна, когда есть женщина, которую я могу сейчас поднять на руки, унести в комнату и хорошо отлюбить. От такой перспективы во мне вспыхивает горячий огонек желания. А в таких ситуациях я становлюсь человеком действия. Я подхватываю тяжеленькое тело любовницы и прохожу с ней в комнату.

Улыбающаяся Александра обнимает меня за шею и говорит:

– Ах, Игоречек, я ждала тебя всю ночь, только чур ты сперва меня поласкаешь.

– Хорошо, – соглашаюсь я, потому что я всегда соглашаюсь со своими женщинами.

В комнате я опускаю женщину на пол, и мы в ускоренном темпе начинаем друг друга раздевать, свитера и джинсы летят на пол, а маечки и трусики с носками – на стол и на телевизор. Потом я встаю перед Сашенькой на колени, обхватываю ее упругую попку ладонями и отыскиваю губами вход в ее пещерку. Мне очень нравится ласкать ее ртом, а Александра этому всегда рада. Через минуту она стискивает мою голову и начинает двигать бедрами навстречу моему языку. А потом я заваливаю ее спиной на кровать и вместо языка запускаю в пещерку своего давно окрепшего «боровика», как Саша его называет. Женщина ахает, и минут пять мы в бешеном темпе несемся навстречу блаженству. Она добирается до своего немного раньше, чем я, начинает дергаться в судорогах и громко стонать, потом вскидывает руки и тоненько верещит. Сразу за ней рычу я. После этого в моей голове начинают кружиться поэтические строки: «О женщина, о скрипочка, богиня, я словно восхищенный Паганини...»

Я открываю глаза, целую Сашенькины груди и говорю:

– Стихи полезли в голову... Козерожек, во мне, кажется, просыпается поэт.

Александра тоже открывает глаза и просит:

– Прочитай скорее, пока этот поэт в тебе опять не уснул.

– Кружилось, а теперь улетучилось...

– Игоречек, а в моей голове играла музыка Баха, а я была органом, на котором играл сам Бах. Не задирай носа, козорожек, ты меня туда только забросил, а внутри музыки я летала уже сама – маленькая птичка посреди шторма.

– Но Бах – это не шторм, Бах – это вселенная, – не соглашаюсь я.

– А для меня Бах – это шторм.

– Хотя сегодня и для меня тоже. Я чувствую, как меня штормит, – признаюсь я, потому что до сих пор немножечко пьян. – Ты слышишь Баха, а меня штормит.

– Надо тебе покушать – и шторм прекратится, – предлагает Александра. – У меня приготовлены очень вкусные овощи и есть сок.

– У тебя есть и кое-что повкуснее, – говорю я, беру в рот сосок Сашенькиной груди и начинаю нежно его посасывать.

Ее это всегда возбуждает, она начинает теревить волосы на моей голове и говорит:

– Ах, Игорек, как волнующе у тебя это получается. Неужели я действительно для тебя такая вкусная?

Я отрываюсь от соска и говорю:

– Такая вкусная, что я готов делать это с утра до вечера.

Александра удивляется:

– Но тогда я буду кончать по пять раз в день...

Я предлагаю:

– Не будем с этим торопиться, а пойдем выпьем твоего сока, что-то в горле пересохло.

В квартире тепло, поэтому мы, не одеваясь, идем в кухню. Сашенькина попка так заманчиво двигается из стороны в сторону, что я не могу не шлепнуть ее. Я шлепаю и спрашиваю:

– Женщина, вы не подскажете, чья это здесь мелькает сладкая попка?

– Твоя, – улыбается женщина.

– Моя – костлявая и волосатая, и когда я вижу ее в зеркале, то всегда пугаюсь.

– А мне твоя волосатая попка очень нравится, у мужчины и должны расти на теле волосы, они же ближе к животному миру, чем мы.

Мы садимся на табуреты, я разливаю из пакета по кружкам сок, и Александра говорит:

– Игорек, давай выпьем за наших детей.

– Давай.

Мы пьем сок, потому что спиртного в доме нет, а шампанское вчера заглотил Сидоров. Но это и хорошо, так как нам надо на работу, я уже и так на нее опоздал, и от Каца мне сегодня достанется, может даже лишит премии.

Я спрашиваю:

– Сашенька, а ты идешь сегодня на работу?

– Игоречек, ты, наверное, забыл о дипломате, открой его и, возможно, все наши материальные проблемы будут решены, и на работу не надо будет ходить, как на каторгу. Милый, ты совсем забыл об этом подарке судьбы.

– Действительно забыл, ты заговорила о наших детях, и это опустило меня на землю. А сейчас я вспомнил про дипломат, но вспомнил и то, что Сидоров здесь и в любой момент может проговориться. Давай не будем рисковать и выкинем этот подарок на помойку.

Сашенька удивляется:

– Два миллиона долларов на помойку? И опять станешь Демьяном Бедным?

Да, она права, выбрасывать на помойку два миллиона долларов не умно. Нищему жителю России тоже хочется стать богатым, как и любому другому нищему нашей планеты, а их – подавляющее большинство.

И вообще, почему это я так сильно волнуюсь? Даже если сегодня найдут труп на балконе Галкина, то пьяный Сидоров ничего не сможет рассказать, а будет только материться, так что у нас еще сутки времени. Я говорю:

– Сашенька, ты как всегда права, два миллиона на помойку не выбрасывают, судьба подарила нам шанс, и мы будем дураками, если им не воспользуемся.

Александра улыбается и пересаживается ко мне на колени, обнимает меня за шею, целует в губы и говорит:

– Мне с тобой хорошо, Игоречек, мы с тобой две половинки одного целого, вместе и в радости, и в горе. А ты согласен быть рядом со мной и в горе?

– Согласен, конечно же, а почему ты спросила?

– Потому что мои предыдущие мужья оставались рядом со мной только во время радости, а когда начиналась полоса неудач, они бросали меня.

– Сашенька, люди любят праздновать, но не любят горевать, но жизнь так устроена, что на смену радости приходит беда, от этого никуда не денешься, и любящие друг друга люди проходят все вместе. Мне кажется, что я готов рядом с тобой на взлеты и падения. А ты?

– Я тоже.

Мы снова целуемся. Мой «боровик» опять крепчает, и Сашенька это чувствует. Она слезает с меня, встает рядом коленями на пол, берет в ротик своего любимца и я перестаю размышлять, потому что когда мне делают минет, я не могу думать. Волна возбуждения подхватывает меня и забрасывает в небо. Я лечу, и внутри меня (или снаружи) чей-то незнакомый голос читает стихотворение:

Вне времени себя я ощущаю,
Когда на женском теле исполняю
Любовную мелодию земли.
О, скрипочка! О, женщина! Богиня!
Я, словно восхищенный Паганини,
Касаясь напряженных нервных струн,
В жизнь выпускаю колдовской тайфун,
Который нас вбирает и несет
Вне времени, где правит сам Эрот.

Я бурно кончаю и возвращаюсь на землю, открываю глаза и вижу улыбающуюся Александру. Она садится ко мне на колени, обнимает за шею, целует.

– Сашенька, сейчас ты зашвырнула меня в мир обитания стихов, и одно из них вошло в меня.

– Прочитай.

– Потом, вначале я запишу его на бумаге, а то забуду.

Я снимаю Сашеньку с моих коленей, быстро прохожу в комнату, сажусь за письменный стол и записываю сверкнувшее в голове стихотворение на листке бумаги. Вроде бы оно получилось неплохим. Из кухни прибегает голенькая Александра, садится ко мне на колени, берет листок и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.